

ХРОНИКИ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ

ХРОНИКИ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ. ЦЕНА ОБЕЩАНИЯ

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

**Хроники забытых
фонарей. Цена обещания**

«Автор»

2026

Северина А.

Хроники забытых фонарей. Цена обещания / А. Северина —
«Автор», 2026

В городе Североград героиня Ася Лесина сталкивается с старой семейной договорной магии. Ей помогает и одновременно препятствует Никита Северин. Главный объект этой книги: «Хроники забытых фонарей. Цена обещания». Центральный вопрос: позволительно ли использовать чужое согласие ради общей безопасности?

Алёна Северина

Хроники забытых фонарей. Цена обещания

Глава 1. Наследство или письмо

К полудню снег в Северограде превратился в серую кашу, и люди входили в архив, оставляя на каменных плитах мокрые следы. Ася Лесина сидела у окна в читальном зале, разбирая папку с договорами на расселение старых домов. Бумаги пахли пылью, клеем и чужой торопливостью. В каждом третьем документе кто-нибудь забывал поставить дату, в каждом пятом — подписывал не ту страницу.

Ася умела замечать такие вещи. Ещё она умела не принимать чужую беспечность за свою обязанность.

— Лесина, к вам посетитель, — под конец рабочего дня позвала из дверей Варвара Ильична, заведующая отделом. — Внизу. Мужчина. С конвертом и лицом, будто его сейчас будут допрашивать.

— Это может быть и полезным лицом, — ответила Ася, закрывая папку.

— Полезные лица обычно не спрашивают, где ближайший выход.

На первом этаже её ждал Никита Северин.

Он стоял у стенда с планом Северограда, засунув руки в карманы тёмного пальто. На волосах таял снег, воротник был поднят, а выражение лица оставалось спокойным — слишком спокойным для человека, который пришёл в архив в конце рабочего дня с большим конвертом под мышкой.

— Ты опоздал, — сказала Ася.

— Я пришёл вовремя.

— Тогда опоздала я?

— Я не говорил этого.

— Но подумал.

Никита едва заметно усмехнулся.

— Ты всё ещё читаешь мысли по выражению лица?

— Нет. По паузам. Это надёжнее.

Он протянул ей конверт. Плотная бумага, потемневшая по краям, была перетянута тонкой синей лентой. На обороте сохранилась печать — не восковая, а тёмная, похожая на застывший лак. В центре отпечатался фонарь с четырьмя узкими окнами.

Ася не взяла конверт сразу.

— Откуда?

— Из дома на улице Портовой.

— Чьего дома?

— Моего.

— У тебя появился старый дом?

— Он у меня появился не сегодня. Сегодня появилась причина его обыскать.

— Это звучит как признание в незаконном проникновении.

— Я вошёл своим ключом.

— А обыскал?

Никита посмотрел на конверт.

— Это зависит от того, что считать обыском.

Ася забрала письмо. Под пальцами бумага оказалась неожиданно тёплой, будто конверт некоторое время лежал рядом с печью. Она провела взглядом по краям: следы вскрытия отсутствовали, но один угол был примят. На лицевой стороне не было адреса — только аккуратная надпись:

«Асе Лесиной. Не передавать Северину, пока не будет прочитано».

Она подняла глаза.

— Ты уже прочитал?

— Нет.

— Почему?

— Потому что там написано не передавать мне.

— Ты принёс его мне лично.

— Это не одно и то же.

— Никита, если ты хочешь убедить меня в своей честности, не начинай с игры в формулировки.

— Я не хочу тебя убеждать.

— Вот это уже честнее.

Он отвёл взгляд к стеклянной двери, за которой посетители стряхивали снег с обуви. Между ними на секунду встала привычная осторожность — не холодная, но плотная, как закрытая дверь, у которой оба знают ключ.

— Открой здесь, — сказал Никита. — Если в письме что-то, что касается меня, я не стану спрашивать, пока ты сама не решишь рассказать.

— Благородно.

— Непрактично.

— Ты наконец-то заметил.

Ася развернула конверт ножом для бумаги. Печать не треснула, а распалась тонкой коричневой крошкой. Под ней оказался один лист, сложенный вчетверо, и маленький плоский предмет, завёрнутый в ткань.

Сначала она раскрыла письмо.

Почерк был женским, ровным, с сильным нажимом на нижние линии букв.

«Ася.

Если это письмо дошло до тебя, значит, Северин всё-таки нашёл комнату за лестницей. Не вини его за то, что он открыл дверь. Вина начинается не с двери, а с решения промолчать после того, как увидел, что за ней.

В архиве отсутствует книга. Не страница, не дело, не копия — книга целиком. В описи она значилась как “Хроники забытых фонарей. Цена обещания”. Её выдали сорок два года назад под расписку, но обратно не вернули. В карточке стоит чужая подпись, а в журнале — исправление, сделанное поверх имени твоей матери.

Первой пострадала Мария Лесина.

Она подписала обещание за всех, потому что ей сказали: иначе дом отдадут под снос вместе с жильцами. После этого из документов исчезло её право на квартиру, а вместе с ним — имя человека, которому она доверилась. Не ищи виноватого среди тех, кто получил дом. Ищи того, кто решил, что чужое согласие можно считать общим.

Предмет при письме — не ключ. Не отдавай его Северину, пока не проверишь печати.

Елена Лесина».

Ася перечитала последнюю строку. Имя матери стояло перед глазами слишком ясно.

Елена Лесина умерла семь лет назад и никогда не рассказывала о Марии. Во всяком случае, Ася не помнила. Мать вообще не любила говорить о семье, будто любое подробное воспоминание требовало платы.

— Кто такая Мария? — спросил Никита.

Он не приблизился, но голос стал тише.

Ася сложила лист пополам.

— Ты не должен был спрашивать.

— Я не спрашивал о том, что там написано. Я спросил о человеке.

- Разницы нет.
 - Для тебя — возможно.
 - Для тебя тоже, если ты действительно не читал письмо.
- Никита кивнул, принимая удар без попытки отразить его.
- Хорошо. Что будем делать?
 - Ничего.
 - Это решение?
 - На ближайшие пять минут — да.

Она развернула ткань. В ней лежала небольшая жестяная коробочка, поцарапанная и потемневшая. Обычная коробочка от леденцов: на крышке едва угадывались красные яблоки, по краю выступала вмятина. Внутри оказался круглый латунный жетон размером с монету. С одной стороны — изображение фонаря, с другой — четыре короткие риски, расположенные крестом.

Ася положила жетон на стойку регистрации.

Ничего не произошло.

- Не ключ, — сказал Никита.
- В письме это уже было написано.
- Тогда зачем ты проверяешь?
- Чтобы понять, не врал ли Елена.
- Она твоя мать.
- Именно поэтому.

В этот момент из глубины здания донёсся резкий хлопок. Где-то упала тяжёлая папка, затем послышался звон разбитого стекла. Варвара Ильинична крикнула, чтобы никто не входил в коридор.

Ася и Никита одновременно обернулись.

У дверей служебного прохода стоял молодой архивист Денис Ковалёв. На его ладони выступила кровь: он порезался о стекло витрины. Витрина была закрыта ещё утром, Ася сама проверяла замок. Теперь дверца распахнулась, а внутри пустовало место для одной-единственной коробки.

— Что там хранилось? — спросила она.

Денис побледнел.

- Старый журнал выдачи. Я хотел сверить опись. Он лежал за стеклом.
- Какой журнал?

Он посмотрел на Никиту, потом на Асю.

— За тысяча девятьсот восемьдесят первый год.

На стойке между ними лежал латунный жетон. Под падающим светом он вдруг показался не круглым, а чуть вытянутым — словно его когда-то сдавили печатью.

Ася взяла его двумя пальцами и перевернула. На обороте, под слоем зелёного налёта, обнаружились тонкая гравировка: «М. Л. — свидетель».

— Где журнал? — спросила она.

Денис сглотнул.

— Только что был здесь.

Никита подошёл к витрине, но остановился перед разбитым стеклом.

— Не трогай, — сказала Ася.

— Я и не трогаю.

— Ты уже решил, что это связано с письмом?

— А ты нет?

Ася посмотрела на пустую полку, на кровь на пальцах Дениса и на инициалы, выцарапанные на дешёвом жетоне. Затем убрала предмет в ладонь и сжала пальцы.

— Связано, — сказала она. — Но пока неизвестно, кто именно решил, что сорок два года молчания достаточно, чтобы украсть ещё один документ.

Ася не разжала пальцы.

— Денис, где ты был до того, как разбилось стекло?

— В читальном зале.

— Один?

— Сначала один. Потом пришла женщина из бухгалтерии, спросила про ведомости. Я проводил её до лестницы и вернулся.

— Какую женщину?

— Марину Петровну. Она ушла минут десять назад.

Варвара Ильинична подхватила с края стола чистую салфетку и прижала к его ладони.

— Не стойте столбом, молодой человек. Кровь остановить сначала надо.

— Я не заметил, как порезался, — пробормотал Денис.

— Стекло обычно не спрашивает, заметили его или нет.

Он сел на стул у стены. На салфетке быстро проступило тёмное пятно. Ася видела кровь и думала не о ране, а о том, как аккуратно была распахнута дверца витрины. Замок не вырвали. Вокруг скважины не было ни царапины. Стекло разбили изнутри — осколки лежали на полу, а не в коридоре.

— Ты открывал витрину? — спросила она.

Денис поднял глаза.

— Нет.

— Ключи где?

— У Варвары Ильиничны.

— Только у неё?

— Второй комплект в сейфе у заведующей.

Варвара Ильинична нахмурилась.

— Второй комплект опечатан.

— Печать проверяли сегодня?

— Утром. Я сама.

Никита, до этого стоявший у прохода, наклонился к полу, не касаясь осколков.

— Здесь нет следов обуви.

— Их могли стереть, — сказала Ася.

— Могли. Но тогда стёрли бы и кровь.

Он указал на узкую дорожку между витриной и стеной. На сером линолеуме виднелись два отпечатка — не подошвы, а пятна от капель. Одна капля упала рядом с ножкой витрины, вторая тянулась к служебной двери.

Денис посмотрел на свою ладонь.

— Я не ходил туда.

Ася присела на корточки. Кровь была свежей, но капли стояли слишком ровно, будто их оставляли через одинаковое расстояние.

— Это не твоя кровь, — сказала она.

В комнате стало тихо. Даже Варвара Ильинична перестала поправлять салфетку.

Денис бледно усмехнулся:

— А чья же?

— Пока не знаю.

Никита выпрямился.

— Надо закрыть здание и вызвать полицию.

— Вызовем, — ответила Ася. — Но сначала нужно понять, что именно они будут искать.

— Они? — Денис нервно переспросил.

— Тот, кто взял журнал.

Слово «взял» повисло между ними. Не украл, не вынес, не спрятал. Ася выбрала его намеренно: пока не было доказательств, она не собиралась превращать испуганного архивиста в свидетеля против самого себя.

Никита посмотрел на неё с коротким одобрением, но Ася сделала вид, что не заметила.

— Варвара Ильинична, где журнал стоял до сегодняшнего утра?

— На верхней полке. За каталогами. Не в общей описи.

— Почему?

— Потому что его собирались передать в областной архив. Денис как раз сверял документы.

— Кто знал о передаче?

— Я, заведующая, Денис и... — Варвара Ильинична замолчала.

— И кто?

— Елена Лесина приходила неделю назад.

Имя матери прозвучало как щелчок замка.

Ася медленно поднялась.

— Зачем?

— Она спрашивала о старых журналах выдачи. Не конкретно о тысяча девятьсот восемьдесят первом, насколько я помню. О фондах, связанных с городскими фонарями и уличным освещением.

— Ты ей показывала документы?

— Только опись.

— А журнал?

— Нет.

— Она знала, где он лежит?

— Елена много лет работала с архивом. Она могла догадаться.

Никита едва заметно повернул голову к Асе.

— Ты уверена, что хочешь продолжать здесь?

— Я уверена, что хочу получить запись с камер.

— В архиве нет камер, — сказала Варвара Ильинична. — Но в соседнем здании магазин. Их камера смотрит на вход и часть служебного двора.

— Тогда попросим копию.

— Полиция сама запросит.

— Полиция приедет, оформит осколки и уедет, если мы не скажем, что искать, — отрезала Ася. — А до этого времени запись может перезаписаться.

Она достала телефон, но Никита остановил её жестом.

— Сначала посмотрим журнал регистрации посетителей.

— Зачем?

— Чтобы выяснить, кто вошёл после тебя и Дениса. Если человек пришёл за журналом, он мог не знать, что вход оставит след.

— А если знал?

— Тогда он рассчитывал, что мы станем смотреть на стекло.

Ася не ответила. Они прошли к стойке. Журнал регистрации лежал раскрытым на сегодняшней странице, рядом с подставкой для ручки. Варвара Ильинична взяла его, но Ася попросила:

— Не трогайте. Есть карандаш?

Никита достал из кармана тонкий механический карандаш и подал ей. Она провела боковой стороной грифеля над чистым листом под последней записью. Через несколько секунд проступили вдавленные линии.

«М. П. Соколова — бухгалтерия».

Ниже — более глубокий след, почти стёртый.

Ася наклонилась ближе.

— Здесь была ещё одна запись.

— Я ничего не видела, — сказала Варвара Ильинична.

— Потому что её вырвали.

Край страницы действительно был неровным. Не вырванным полностью: кто-то аккуратно обрезал лист у переплёта, оставив тонкую бумажную бахромку.

Денис поднялся со стула.

— Я утром видел эту страницу. Там была фамилия.

— Чья?

— Не знаю. Имя начиналось на «И». Или на «Л». Чернила растеклись.

— Во сколько ты это видел?

— Около одиннадцати.

— После тебя кто-нибудь подходил к журналу?

Он замялся.

— Никита.

Никита повернулся к нему.

— Утром, когда приходил в первый раз, я расписался в десять сорок.

— Нет, после этого. Ты возвращался к стойке, когда Ася ушла за ключами.

— Возвращался, — спокойно подтвердил Никита. — Я искал её.

— Ты вырывал страницу?

— Нет.

— Тогда почему ты не сказал, что подходил к журналу?

— Потому что не счёл это важным.

Ася взглянула на него. В его лице не было привычной осторожности — только усталость человека, который понял, что любая недосказанность теперь будет выглядеть как ложь.

— Ты видел запись? — спросила она.

— Видел. Там стояло «Ирина...» и дальше не разобрать.

— И ты решил промолчать?

— Я не знал, что журнал украдут.

— Это не ответ.

— Потому что у меня нет ответа, который тебя устроит.

Между ними мелькнула та самая граница, которую они оба последние месяцы учились не переступать. Ася сжала жетон в кармане. Латунь впилась в кожу.

— У тебя был доступ к витрине?

— Нет.

— Ты знал, что журнал собираются передать?

— Знал. От тебя.

— Я сказала тебе об этом сегодня?

— Вчера вечером. В кафе у вокзала.

Она вспомнила: мокрые окна, остывший чай, Никита, который слушал её рассказ о фондах и спрашивал, почему ей не доверяют документы матери. Тогда это показалось обычным разговором. Теперь каждая фраза обрастала последствиями.

Денис вдруг тихо сказал:

— Я вспомнил фамилию.

Все посмотрели на него.

— Что?

— В записи было не «Ирина». «Ильин». Или «Ильина». Точно не знаю. Но рядом стояло число — восемьдесят один.

— Ты уверен?

— Да. Я ещё подумал, что странно: посетитель пришёл именно к этому фонду.

Варвара Ильинична побледнела.

— Ильин... Это может быть Павел Ильин.

— Кто он? — спросила Ася.

Старуха сжала губы.

— Бывший электрик городского управления. В восемьдесят первом его уволили после аварии на линии. Погибла женщина.

— Погибла? — Никита резко поднял взгляд.

— Не сразу. Её нашли у старого фонаря на Тихой набережной. В журнале была запись о выдаче ключей от распределительного щита. Потом выяснилось, что подпись поддельная. Ильин утверждал, что ключи ему передал другой человек.

— Кто?

Варвара Ильинична посмотрела на латунный жетон в руке Аси.

— М. Л.

Ася почувствовала, как под пальцами сдвинулся край металла.

— Ты знаешь, кто это?

— Тогда все думали, что Марк Лесин.

Имя отца прозвучало глухо и окончательно.

За служебной дверью хлопнуло окно. Никита шагнул вперёд, но Ася уже заметила на подоконнике маленький влажный след и клочок серой бумаги. Она подняла его пинцетом из аптечки, которую принесла Варвара Ильинична.

На бумаге сохранилась часть строки:

«...согласие свидетеля подтверждает передачу ответственности...»

Ниже стояла половина печати — круг с изображением фонаря и четырьмя короткими рисками.

— Это не вырвано из журнала, — сказал Никита.

— Нет, — ответила Ася. — Это копия. Кто-то оставил её здесь намеренно.

— Чтобы мы нашли?

— Или чтобы мы поверили в нужную версию.

Она посмотрела на Дениса, на его перевязанную ладонь, на кровь, которой он не проливал, и поняла, что кража была рассчитана не только на исчезновение документа. Кто-то хотел сделать первым пострадавшим человека, который обнаружит пропажу, а затем подставить того, чьё имя уже было связано с давней смертью.

Вдали завывла сирена.

Никита тихо сказал:

— Полиция.

Ася убрала фрагмент бумаги в прозрачный пакет и впервые за вечер разжала руку. На ладони остался красный след от жетона.

— Теперь, — сказала она, — каждый из нас расскажет всё, что знает, даже если это касается семьи.

Никита кивнул, но перед тем как открыть дверь следователю, посмотрел на неё.

— И ты тоже?

Ася встретила его взгляд.

— Особенно я.

В коридоре послышались тяжёлые шаги, затем короткий стук.

— Североградское управление. Откройте.

Никита снял цепочку. На пороге стоял мужчина в тёмной куртке с мокрыми плечами. За ним — женщина в светлом плаще, державшая плоский чемоданчик. Мужчина показал удостоверение.

— Следователь Климов. Кто здесь отвечает за помещение?

— Варвара Ильинична, — сказала старуха. — А документы у неё просматривает Ася Лесина.

Климов перевёл взгляд на Асю, задержался на прозрачном пакете в её руке и кивнул.

— Пакет пока никому не передавайте. Положите на стол и отойдите.

— Он уже был поднят пинцетом, — сказала Ася. — Пинцет лежит рядом. Следов на бумаге не должно быть.

— Это установит эксперт.

Женщина в светлом плаще молча вошла, надела перчатки и начала осматривать комнату. Климов прошёл к окну, присел возле подоконника, но не коснулся ни рамы, ни бумаги.

— Кто обнаружил пропажу?

— Я, — ответила Ася.

— Когда?

— Около часа назад. Точнее не скажу. В архиве не было часов, а на телефон я тогда не посмотрела.

— Почему вы решили, что исчез именно этот документ?

— Потому что место в коробе осталось пустым. И потому что я видела название на описи.

Климов достал блокнот.

— Название?

Ася назвала его полностью. Следователь записал, не поднимая глаз.

— Журнал выдачи за тысяча девятьсот восемьдесят первый год?

— Так обозначено в описи.

— В описи, не на самом журнале?

— Я не открывала витрину.

— Но кто-то вскрыл.

— Да.

Климов посмотрел на Дениса.

— А вы?

— Денис Ковалёв. Работник архива.

— Почему рука перевязана?

Денис опустил глаза на белую повязку.

— Меня задело стеклом.

— Каким образом?

— Когда я вошёл в комнату, окно было открыто. Кажется, рама хлопнула.

— Кажется?

— Я не уверен.

— Кровь ваша?

— Наверное.

Эксперт подняла голову.

— На бинте кровь есть, но на стекле её почти нет. Я осмотрю позже.

Денис побледнел сильнее, чем прежде. Никита шагнул к нему, однако Ася остановила его лёгким движением руки.

— Пусть отвечает сам, — сказала она.

Денис сжал челюсть.

— Я нашёл дверь незапертой. Внутри всё было перевёрнуто. На полу лежали листы. Я наклонился, чтобы поднять их, и тогда меня кто-то толкнул.

— Кто?

— Не видел.

— А кровь?

— Он ударил меня чем-то в руку.

— Чем именно?

— Не знаю.

— Почему вы не вызвали полицию сразу?

Денис взглянул на Варвару Ильиничну.

— Она сказала, что сначала нужно понять, что пропало.

— Я сказала проверить короб, — резко произнесла старуха. — Не вызывать никого я не просила.

— Но вы согласились ждать.

— Потому что здесь уже однажды вызвали полицию, и после этого погиб человек.

Климов закрыл блокнот.

— Громкие слова не заменяют показаний. Варвара Ильинична, расскажите про Павла Ильина.

Старуха села. Деревянный стул жалобно скрипнул под ней.

— Он работал в городском управлении. Электриком. На Тихой набережной произошла авария. Погибла Зоя Мельникова. Случилось это ночью, возле фонаря, который как раз должны были отключить на ремонт.

— Почему Ильина связали с аварией?

— Его фамилия стояла в журнале выдачи ключей.

— А вы считаете, что подпись была поддельной?

— Я знаю, что была. Видела журнал.

— Откуда?

Варвара Ильинична долго молчала.

— Потому что тогда работала секретарём у начальника участка.

— И видели подпись Марка Лесина?

Ася почувствовала, как внутри всё стянулось. Имя отца в устах следователя прозвучало не как семейная память, а как строка в протоколе.

— Видела похожую, — сказала Варвара Ильинична. — Но похожая не значит настоящая.

— Где сейчас тот журнал?

— Не знаю.

— А папка, которую украли?

— В ней был не только журнал. Там лежало старое письмо.

— От кого?

— Не знаю. Оно было запечатано.

Ася повернулась к ней.

— Вы не говорили о письме.

— Потому что не была уверена, что оно там осталось.

— Но название папки вы помнили.

— Название помнят лучше, чем содержимое, если содержимое слишком долго запрещают трогать.

Эксперт позвала Климова к окну. На подоконнике, рядом с влажным следом, она разложила несколько прозрачных пакетов.

— Здесь грязь с мелким песком, — сказала она. — След обуви частичный. Размер примерно сорок третий. Рисунок подошвы можно снять. Ещё вот это.

Она передала ему небольшой металлический кружок.

Ася сразу узнала жетон, который держала в руке несколько минут назад. Теперь на его краю виднелась тонкая щель.

— Он был у вас? — спросил Климов.

— Да. Я достала его из коробочки в конверте, который принёс Никита.

— Почему он оказался на подоконнике?

Ася посмотрела на собственную ладонь. Красный след уже темнел.

— Я не клала его туда.

— Кто ещё его трогал?

— Варвара, Никита, Денис.

— Я не трогал, — быстро сказал Денис.

Никита взглянул на него.

— Трогал. Когда Ася показала его в архиве.

— Я забыл.

— Люди редко забывают металлический жетон, если в тот же вечер получают порез.

Климов поднял ладонь, останавливая спор.

— Эксперт, откройте.

Тонким ножом она поддела край жетона. Металл разошёлся, будто две пластины были соединены не пайкой, а старым пружинным замком. Внутри обнаружилась узкая полоска бумаги, свернутая в несколько раз.

В комнате стало тихо.

— Вы знали? — спросил Климов у Варвары Ильиничны.

— Нет.

Ася не сводила глаз с бумаги.

— Жетон выглядел цельным.

— Именно поэтому его и выбрали, — сказал Никита.

Эксперт развернула полоску пинцетом. Бумага была жёлтой, края потемнели, но чернила сохранились.

«Передача ключа признаётся действительной при наличии согласия свидетеля М. Л. Свидетель принимает на себя последствия отказа от оглашения».

Ниже стояла дата: 17 октября 1981 года.

— Это не письмо, — тихо сказала Ася.

— А приложение к договору, — ответила эксперт.

Климов посмотрел на неё.

— Вы разбираетесь в таких документах?

— В делопроизводстве. Не в магии.

— Я не спрашивал о магии.

— Но документ пытается выдать принуждение за согласие. Это видно и без неё.

Никита подошёл ближе, не касаясь стола.

— Здесь нет подписи.

— Возможно, она была на обороте, — сказала Ася.

Эксперт осторожно перевернула бумагу. На обратной стороне сохранился только край печати — круг с фонарём и четырьмя рисками. Один участок был смазан, будто печать ставили поверх влажной поверхности.

Ася достала из пакета копию.

— У фрагмента, который нашли у окна, такой же знак.

Климов сравнил оба отпечатка.

— Значит, тот, кто оставил копию, знал о жетоне.

— Или хотел, чтобы мы так решили, — сказала Ася.

— Вы всё время допускаете, что вас ведут.

— Потому что нас ведут. Сначала исчезает папка, потом появляется поддельная улика, потом в жетоне находят настоящую часть документа. Слишком удобно для случайности.

Денис вдруг поднялся.

— Я знаю, кто мог знать про жетон.

Все повернулись к нему.

— Вчера вечером приходил мужчина, — сказал он. — Спрашивал не папку, а старую книгу выдачи. Я не пустил его в фонд. Он назвал фамилию Ильин и сказал, что имеет право получить копию.

— Почему ты сразу не рассказал? — спросила Ася.

— Потому что он показал удостоверение.

— Какое?

— Не полицейское. Городского управления. Старое, с синей полосой.

Климов нахмурился.

— Ты запомнил лицо?

— Да. Лет пятьдесят. Шрам возле подбородка. Пальто с латунными пуговицами.

— Имя?

Денис замялся.

— Он сказал: «Передайте Варваре Ильиничне, что обещание не отменяют отсутствием свидетеля».

Старуха закрыла глаза.

— Он жив, — прошептала она.

— Кто? — спросила Ася.

Варвара Ильинична посмотрела на неё, и в этом взгляде не осталось прежнего упрямства.

— Павел Ильин.

Климов резко выпрямился.

— Вы уверены?

— Уверена. Я видела его сегодня утром у рынка. Он стоял напротив булочной и ждал, пока я выйду.

— Почему не сказали?

— Потому что он не угрожал.

— А теперь украдена папка, ранен человек и найден документ, связывающий его с отцом Аси.

— Я испугалась, — сказала старуха. — Не за себя.

Ася почувствовала, как Никита оказался рядом, но не коснулся её.

— За кого?

Варвара Ильинична сжала пальцы на коленях.

— За Зою Мельникову. Она не погибла в аварии сразу. Перед смертью она успела сказать, что видела человека у щита. Не Ильина. Другого. Но её показания исчезли.

Климов открыл новый лист блокнота.

— Где она их оставила?

— У меня.

— И вы всё это время молчали?

— Я обещала.

Ася посмотрела на латунный жетон, на полоску бумаги и на собственную ладонь, где всё ещё проступал красный след.

— Нет, — сказала она. — Вы не обещали хранить правду. Вы обещали хранить молчание.

Варвара Ильинична подняла на неё взгляд.

— Иногда это одно и то же.

— Нет. Цена у них разная.

Климов забрался рукой во внутренний карман куртки и достал чистый пакет.

— Варвара Ильинична, вы сейчас проедете с нами и дадите официальные показания. Денис — в травмпункт, потом тоже в управление. Ася Лесина, вы останетесь до окончания осмотра.

— Я согласна, — сказала Ася.

Никита повернулся к ней.

— Я поеду с тобой.

— Нет. Ты поедешь с Денисом. Он едва держится.

— Ася...

— Это не просьба о защите. Это распределение ответственности.

Он несколько секунд смотрел на неё, затем кивнул.

— Хорошо. Но если обнаружится ещё что-то, ты не будешь решать одна.

— Тогда не исчезай без объяснений.

Никита отвёл взгляд, будто это простое условие оказалось тяжелее любого обвинения.

У двери Варвара Ильинична остановилась.

— Ася.

— Что?

— Мой сын не виноват в том, что случилось с Зоей.

— Я этого не говорила.

— Но ты уже думаешь, что вся наша семья виновата.

Ася посмотрела на старуху, на мокрый след под окном, на пакет с настоящим фрагментом и на жетон, который ещё час назад казался обычной памятной вещью.

— Я думаю, что виноват тот, кто заставил одного человека молчать, а другого — отвечать за чужое решение.

Климов открыл дверь.

В коридоре пахло мокрой шерстью и холодным камнем. Где-то внизу хлопнула входная створка, и по лестнице прошёл незнакомый человек в пальто с латунными пуговицами. Он не поднял головы, но остановился у доски объявлений, словно точно знал, что наверху уже нашли первую часть его старого обещания.

Человек в пальто с латунными пуговицами не торопился уходить. Он стоял спиной к лестнице и рассматривал объявления, приколотые к серой доске: расписание собраний, извещение о проверке водосчётчиков, листок с предложением починить печи. Ни одно из них не имело отношения к архиву.

Ася остановилась на площадке.

Климов уже спускался следом за старухой, Денис, придерживая перевязанную ладонь, шёл между ними. Никита задержался в дверях служебного помещения, будто почувствовал её остановку.

— Вы кого-то ждёте? — спросила Ася.

Незнакомец повернул голову. Лицо у него было обыкновенное — серое, усталое, с влажными прядями у висков. Только пальцы, лежавшие на подоконнике, заметно побелели.

— Нет.

— Тогда почему не уходите?

— Читал.

— Что именно?

Он перевёл взгляд на листок о ремонте печей.

— Объявление.

— Вы его уже прочитали.

— Значит, перечитывал.

Ася не стала спорить. В коридоре было тесно, и от его пальто пахло дождём, табаком и чем-то металлическим. Латунные пуговицы блеснули, когда он повернулся к ней полностью.

— Вы Ася Лесина?

Никита вышел из квартиры.

— А вы кто?

Незнакомец посмотрел на него, потом снова на Асю.

— Мне нужно было передать письмо.

— Кому?

— Вам.

Он достал из внутреннего кармана плоский конверт. Бумага потемнела по краям, но печать на клапане осталась целой: два пересекающихся фонаря и тонкая линия между ними. Та же форма, что на полоске, найденной в тайнике, только здесь знак был продавлен глубже, почти до разрыва бумаги.

Ася не протянула руку.

— Кто отправитель?

— Тот, кто не может прийти сам.

— Это не имя.

— Другого у меня нет.

— Тогда письмо останется у вас.

Незнакомец усмехнулся без веселья.

— Ваша мать тоже не брала бумаги, если не знала, кто их составил.

От звука этого голоса у Аси сжалось горло. Не потому, что она узнала человека, — она никогда его не слышала. Просто он произнёс слово «мать» слишком уверенно, словно имел право поставить его между ними.

Никита шагнул ближе.

— Вы знакомы с Лидией Лесиной?

— Знакомы были многие.

— А вы?

Незнакомец не ответил.

Снизу донёсся голос Климова:

— Лесина! Вы идёте?

Ася смотрела на конверт. На его левом углу виднелась маленькая вмятина, как от зажима. Поверхность бумаги была сухой, хотя пальто незнакомца промокло. Значит, конверт лежал не в кармане, а во внутреннем непромокаемом отделении или в папке. Его принесли подготовленным.

— Передайте его Климову, — сказала она.

— В письме говорится только о вас.

— Если там нет ничего незаконного, вы не станете возражать.

— А если говорится о том, что вы не захотите отдавать управлению?

— Тогда тем более отдам.

Незнакомец посмотрел на Никиту.

— Вы всегда так отвечаете за двоих?

— Нет, — сказал Никита. — Сейчас отвечает она.

Это, кажется, сбило мужчину сильнее, чем отказ. Он опустил руку с конвертом, и Ася успела заметить под манжетой тонкий рубец, пересекающий запястье. Такой след мог остаться от ожога, от верёвки или от магической печати — но сама по себе догадка ничего не доказывала.

— Хорошо, — сказал незнакомец. — Только сначала вы прочтёте.

Он положил конверт на подоконник и отступил.

Ася взяла его через платок, который Климов оставил у двери. Печать не была магической в привычном смысле: воск не нагревался, не светился, не пытался удерживать пальцы. Но едва конверт оказался у неё в руке, красный след на ладони занял.

— Не вскрывайте здесь, — тихо сказал Никита.

— Почему?

— Потому что он слишком хочет увидеть твоё лицо.

Ася посмотрела на незнакомца. Тот и вправду следил не за конвертом, а за ней.

— Спускайтесь, — сказала она. — Я сейчас.

— Ася...

— Я не собираюсь читать письмо одна. Но и отдавать его вслепую не стану.

Никита задержался ещё на мгновение, затем кивнул и ушёл вниз. Мужчина в пальто не двинулся.

— Вы тоже можете идти.

— Мне велели дожидаться ответа.

— Откуда вы знаете, что ответ будет?

— Потому что письмо написано для вас.

— Это не ответ.

— Для тех, кто умеет читать договоры, почти всё является ответом.

Ася спрятала конверт в прозрачный пакет, который взяла из сумки. Незнакомец нахмурился.

— Вы испортите печать.

— Если она портится от прозрачного пакета, значит, это плохая печать.

Впервые его лицо изменилось. Не страх — раздражение, быстро подавленное привычкой держать себя в руках.

— Ваша мать говорила так же.

— Вы всё время ссылаетесь на мою мать. Назовите своё имя.

Он отвернулся к окну. Во дворе, среди мокрых дров и чёрных луж, стояла женщина в тёмном платке. Она подняла голову, будто ждала именно этого момента. Незнакомец увидел её и резко отступил от окна.

Ася тоже успела заметить женщину, но та уже исчезла за сараем.

— Кто это? — спросила она.

Мужчина не ответил. Он рванул к лестнице, но Ася перегородила проход.

— Вы пришли передать письмо. Теперь вы дождётесь Климова.

— Отойдите.

— Нет.

Он не толкнул её. Вместо этого сжал кулак, и латунная пуговица на его пальто лопнула. Под ней обнаружилась тонкая медная нить, вплетённая в ткань. Нить дрогнула, словно натянулась сама собой, и в воздухе возникло слабое ощущение давления — не приказ, не удар, а попытка навязать телу направление.

Ася почувствовала, как ноги сами хотят отступить на шаг.

Она удержалась, вцепившись пальцами в перила.

— Вот как вы передаёте письма? — спросила она сквозь зубы.

— Я не хотел...

Он осёкся. Нить под пуговицей потемнела и рассыпалась на короткие волокна.

На лестнице грохнули быстрые шаги. Никита поднимался первым, за ним Климов.

— Что происходит? — резко спросил следователь.

Ася не сводила взгляда с незнакомца.

— Он попытался применить договорную нить.

— Не применил, — возразил мужчина. — Она сработала сама.

— Это почти всегда говорят после того, как срабатывает она, — ответил Климов.

Незнакомец отступил к стене. Климов подошёл, достал наручники, но не стал сразу застёгивать.

— Имя.

— Павел Ильин.

Имя легло между ними тяжело, без всякого удивления. Ася вспомнила утро у рынка, слова Варвары Ильиничны и фигуру, исчезнувшую за дождём.

— Вы были у булочной, — сказала она.

— Был.

— Вы следили за Варварой Ильиничной?

— Пытался найти её сына.

— Зачем?

Ильин посмотрел на конверт в пакете.

— Потому что Денис должен был получить письмо раньше вас.

— Что в нём?

— Объяснение.

— Чьё?

— Моё.

Климов забрал у Аси пакет, не разрывая печати, и передал его Денису, который поднялся следом, бледный, но уже без прежней растерянности.

— Узнаёте знак? — спросил он.

Денис взглянул на воск и побледнел ещё сильнее.

— Это печать отца.

— Ваш отец жив? — спросила Ася.

— Нет. Умер шесть лет назад.

Ильин закрыл глаза.

— Он не умер, — сказал он. — Он исчез из реестра, потому что сам подписал отказ от имени.

Климов резко повернулся к нему.

— Вы понимаете, что говорите?

— Понимаю. И понимаю, что теперь поздно молчать.

Он расстегнул пальто и вынул из подкладки маленький предмет — дешёвый жестяной ключ с зелёной пластмассовой головкой. На первый взгляд обычный, такой можно было купить в любой лавке у вокзала.

— Это было у Зои Мельниковой в день аварии, — сказал Ильин. — Я забрал его не для себя. Я должен был передать его Лидии Лесиной, но испугался. Потом ваш отец узнал, что ключ существует, и заставил меня подписать обещание молчать.

Ася взглянула на ключ.

— Где он подходит?

— К шкафу в архиве старой фонарной службы. К ячейке, которую официально не существует.

— Почему вы принесли его сейчас?

Ильин посмотрел вниз, туда, где минуту назад исчезла женщина в платке.

— Потому что сегодня я увидел человека, который стоял у щита в ночь аварии. И потому что он понял, что письмо уже у вас.

Климов забрал ключ в пакет.

— Теперь вы поедете с нами.

— Если я поеду, они доберутся до ячейки раньше вас.

— Кто?

Ильин впервые посмотрел прямо на Асю.

— Те, кто двадцать лет собирает чужие обещания и называет это защитой города.

Никита встал рядом с Асей, не касаясь её плеча.

— Тогда поедem в архив, — сказал он. — Но сначала вы расскажете всё по дороге.

Климов помедлил, затем защёлкнул наручник только на одном запястье Ильина.

— Вторую руку оставляю свободной. Если соврётe, пожалеете, что я проявил доверие.

— Доверие здесь ни при чём, — ответил Ильин. — Просто вам нужен ключ.

— Именно поэтому я и не называю это доверием.

Денис вернул Асе пакет с письмом, и она убрала его в сумку. Ася спустилась первой. В её сумке лежал запечатанный конверт, в пакете у Климова — латунный жетон и жестяной ключ, а за спиной оставался дом, где молчание слишком долго считали формой верности. Внизу уже ждала машина, и теперь у них впервые появился не только след прошлого, но и место, куда этот след можно было привести.

Глава 2. Правило, которого не было

Машина тронулась рывком, и Ильин едва не ударился плечом о перегородку. Климов сидел рядом с ним, придерживая пакет с жетоном на коленях. Никита занял переднее сиденье, Ася — сзади, напротив Ильина. Между ними оставалось расстояние в полметра, но оно казалось меньше, чем в архивном кабинете.

За окнами тянулся мокрый Североград. Снег таял на крышах, с водостоков стекала мутная вода, а фонари вдоль проспекта зажигались один за другим, хотя день ещё не закончился. В их жёлтом свете город выглядел старше, чем был на самом деле.

— Начните с щита, — сказал Климов. — Что там произошло в ночь аварии?

Ильин поднял связанное наручником запястье и потёр кожу большим пальцем.

— Я уже говорил. Стоял у северной стены насосной станции.

— Это не рассказ.

— Это место.

— Тогда расскажите время, людей и последовательность действий.

Ильин усмехнулся без веселья.

— Вы и правда думаете, что двадцать лет спустя я помню последовательность?

— Если вы из-за неё прятали ключ, то да.

Машина свернула к набережной. Колёса зашуршали по мокрой брусчатке.

— В два часа тринадцать минут погас фонарь у ворот, — сказал Ильин. — Не весь ряд. Только один. Через минуту сработала сирена, но не на станции, а в старом квартале. Я пошёл проверить щит. Там уже был человек.

— Кто?

— Невысокий. В сером пальто. Лица не видел.

— А теперь видели? — спросила Ася.

Ильин перевёл на неё взгляд.

— Теперь понимаю, кто это мог быть.

— Это разные вещи.

— Знаю.

Никита обернулся. В руке у него был тонкий прозрачный файл. Ася не заметила, когда он достал его из сумки.

— Независимое свидетельство, — сказал он. — Запись из журнала дежурного электрика. Не копия договора, не семейная бумага. Муниципальный журнал за ту ночь.

Климов протянул руку, но Никита не отдал файл.

— Сначала пусть Ильин доскажет.

— Вы решили, кто здесь ведёт допрос? — сухо спросил Климов.

— Нет. Я решил, что документ нельзя показывать человеку, который может подстроить ответ под его содержание.

— А вы, значит, не можете?

— Могу. Поэтому и говорю это вслух.

Ася посмотрела на Никиту. Он держал файл спокойно, но указательный палец слишком сильно прижимал край пластика. У него была собственная причина не доверять Климову — и, возможно, не только служебная.

— В журнале указано, что фонарь погас в два часа семь минут, — сказала Ася.

Никита кивнул.

— И что аварийный сигнал был отключён вручную в два часа девять.

Ильин нахмурился.

— В два тринадцать.

— Вот именно.

— Электрик мог ошибиться.

— Мог. Но он записал фамилию человека, который потребовал открыть щит.

В салоне стало тесно от тишины.

— Какую фамилию? — спросила Ася.

Никита посмотрел на неё, затем на Ильина.

— Северин.

Климов тихо выругался.

Ильин откинулся к спинке. Наручник звякнул о металлическое крепление.

— Я не знал, что в журнале осталась фамилия.

— Значит, вы знали, кого видели, — сказал Климов.

— Я видел силуэт.

— А фамилию слышали?

— Её произнесли.

— Кто?

Ильин закрыл глаза, будто пытался удержать в памяти не лицо, а звук.

— Старик. Тот, что приехал после отключения. Он сказал: «Северин уже подписал».

Потом велел мне не лезть к щиту.

Никита побледнел.

— Какой Северин?

— Я не спрашивал.

— Но вы записали фамилию в своём блокноте.

Ильин резко повернул голову.

— Откуда вы знаете?

— Потому что этот блокнот нашли среди бумаг моего деда.

— Вы его читали?

— Часть.

— Тогда знаете, что там было не только имя.

Никита раскрыл файл. Под прозрачным пластиком лежала пожелтевшая страница с неровными строками. На полях темнела печать городского управления освещения, перечёркнутая двумя линиями. Рядом с датой стояли инициалы и приписка: «Запретить доступ до подтверждения согласия наследников».

Ася наклонилась ближе.

— Здесь нет слова «семейного».

— Его и не должно быть, — сказал Никита. — В официальном журнале такого правила никогда не существовало.

— А в документах, которыми пользовались потом, существовало, — возразила Ася.

— Да. И в этом проблема.

Климов наконец забрал лист, быстро просмотрел его и нахмурился.

— Откуда он у вас?

— Из старого шкафа в доме Северина.

— Дом опечатан.

— Был опечатан после того, как я забрал бумаги.

— То есть вы самостоятельно проникли в помещение?

— Я имел ключ.

— Это не ответ.

— Это и есть ответ.

Ася почувствовала, как внутри поднимается раздражение. Никита не скрывал факта, но подавал его так, будто право на объяснение принадлежит только ему.

— Когда вы нашли журнал? — спросила она.

— Вчера вечером.

— Почему не показали мне сразу?

— Потому что сначала хотел проверить дату.

— А теперь проверили?

— Да.

— И решили, что достаточно принести его в машину?

Никита сжал губы.

— Я решил, что если отдам документ Климову, он исчезнет в деле раньше, чем мы поймём, кому это выгодно.

— А если вы ошибаетесь?

— Тогда я ошибся.

— Ваше прошлое не даёт вам права действовать в одиночку.

Он отвернулся к окну. За стеклом проплыли закрытые лавки, вывеска прачечной и тёмный проезд, ведущий к старому кварталу.

Ильин тихо сказал:

— Он не один действовал.

Никита снова посмотрел на него.

— Кто?

— Ваш дед. И моя мать.

Климов выпрямился.

— Вы утверждаете, что они были знакомы?

— Они подписывали бумаги вместе.

— Какие?

— Те, где согласие наследников становилось условием доступа к фонарям.

Ася почувствовала холод не от окна. Она вспомнила конверт в своей сумке, его плотную бумагу и печать, поставленную не поверх сгиба, а сбоку, словно письмо запечатывали уже после того, как сложили.

— Моя мать тоже подписывала? — спросила она.

Ильин не ответил.

— Ильин.

— Я не знаю.

— Вы только что сказали, что подписывали ваша мать и дед Никиты.

— Я сказал — моя мать. Не ваша.

Ася замерла.

Никита медленно повернулся к ней.

— Ася...

— Не надо.

Она достала из сумки конверт. Климов сразу заметил движение, но не остановил её. Бумага легла на колени, и от резкого торможения печать блеснула в сером свете.

— Здесь указано имя моей матери, — сказала Ася. — Елена Лесина.

Ильин побледнел сильнее, чем прежде.

— Откуда вы это взяли?

— Вам ли не знать?

— Нет. Не должно было сохраниться.

— Что именно?

Ильин посмотрел на конверт, потом на Никиту.

— Второй список согласных.

— Согласных на что?

Он долго молчал. Машина остановилась у архивного корпуса, но никто не спешил выходить.

— На передачу права, — сказал Ильин наконец. — Не на доступ к фонарям. На передачу чужого обещания тому, кто сможет его исполнить.

Ася почувствовала, как печать под её пальцами стала тёплой. Не обжигающей — просто живой, будто конверт долго лежал на солнце.

Никита заметил это первым.

— Не вскрывай его здесь.

— Почему?

— Потому что если в письме стоит твоя подпись как наследницы, они уже знают, что ты его получила.

— «Они» — это кто?

Ильин опустил взгляд.

— Те, кто двадцать лет считал, что согласие можно получить за человека, если правильно оформить бумагу.

Климов открыл дверь машины.

— Все в архив. Ильин — под охрану. Документы — на регистрацию.

Ася не двинулась.

На конверте, рядом с выцветшей печатью, проступила тонкая тёмная линия. Сначала она показалась царапиной, но затем сложилась в буквы, которых прежде не было видно:

«Согласие Лесиной действительно до первого отказа».

Никита прочёл надпись через её плечо и тихо сказал:

— Теперь они будут добиваться, чтобы ты отказалась правильно.

Климов уже поднялся по ступеням, когда Ася убрала конверт обратно в сумку.

— Вы сказали: на регистрацию, — напомнила она. — Значит, регистрируем всё. Конверт, жетон, ключ и показания Ильина.

— Именно это я и собирался сделать.

— Не в общем журнале.

Климов оглянулся через плечо.

— Почему?

— Потому что если запись исчезнет, потом окажется, что мы сами ничего не приносили.

Никита задержался у машины. Он не вмешивался, но Ася видела: услышал. Его взгляд скользнул по дверям архивного корпуса, по окнам первого этажа, где за матовым стеклом двигалась чья-то тень.

— Лесина права, — сказал он. — Нужен двойной экземпляр и отметка о времени.

— Я в курсе правил, Северин.

— Тогда почему спорите?

Климов ничего не ответил. Он только взял пакет с латунным жетоном и ключом, а Ильину велел идти впереди.

Внутри пахло мокрой шерстью, старой краской и угольной пылью. На вахте дежурил молодой архивариус, который узнал Климова, но постарался не показать этого.

— Приём вещественных материалов, — сказал Климов. — Подготовьте форму.

— Вещественных? — переспросил архивариус.

— Записывайте как есть.

Ася поставила сумку на стойку, но не раскрыла её.

— И отдельную отметку о состоянии печати.

Архивариус посмотрел на неё с осторожным уважением.

— Печать повреждена?

— Пока нет. Но на ней появилась надпись.

Он потянулся к конверту, и Ася остановила его.

— Не трогайте.

— Я хотел только посмотреть.

— Посмотрите глазами.

Климов положил на стойку пакет. Жетон глухо стукнул о дерево. Ильин остался у двери под присмотром второго сотрудника, которого вызвали из внутреннего коридора. Он казался не задержанным, а человеком, случайно оказавшимся в собственной биографии и не знающим, как из неё выйти.

Форму заполнили в двух экземплярах. Время поставили — 14:18. Климов подписал первым, затем протянул ручку Асе.

Она сверила каждую строку.

«Латунный жетон без видимых повреждений. Ключ металлический, следы окисления. Конверт бумажный, печать восковая, с дополнительной надписью на внутренней стороне сгиба».

— На внутренней? — тихо спросил Никита.

— Там, где мы её видим, — ответила Ася. — Значит, так и пишем.

Она поставила подпись. В тот момент печать снова нагрелась, но теперь к теплу прибавилось давление в кончиках пальцев, будто невидимая рука требовала задержать ручку ещё на секунду.

Ася положила её.

— Что случилось? — спросил Никита.

— Ничего, что я собиралась делать.

Климов поднял глаза от формы.

— Это не доказательство воздействия.

— Я и не говорю, что доказательство. Я говорю о реакции.

Ильин усмехнулся без радости.

— Вот так всё и начинается. Сначала вам кажется, что рука сама остановилась. Потом вы обнаруживаете, что уже согласились.

— Нет, — сказала Ася. — Согласие не возникает от того, что предмет нагрелся.

— Предметы не должны нагреваться.

— А люди не должны подделывать согласие, но вы двадцать лет это делали.

Ильин опустил голову. Никита посмотрел на него, однако промолчал.

Из глубины коридора донёсся шаркающий звук. Появилась Варвара Ильинична — в тёмной кофте, с папкой под мышкой и связкой ключей на поясе.

— Климов, что у вас за срочность? Я только что получила звонок из управления.

— Тем лучше. Нам нужен доступ к фонду старых договоров и журналу обслуживания фонарей за девяносто восьмой год.

— Уже?

— Уже.

Варвара Ильинична заметила Ильина, затем Асино лицо.

— Ася, ты вскрывала письмо?

— Нет.

— Правильно. В комнате первичного осмотра вскрывать нельзя. Там слишком много металлических поверхностей.

— Почему это важно? — спросил Никита.

Заведующая взглянула на него поверх очков.

— Потому что два года назад один сотрудник решил проверить старую печать над раковиной. Вода смыла часть воска, а потом в журнале появилась запись, которой никто не делал.

— Какая запись?

— «Согласен принять обязательство хранителя».

— И сотрудник?

— Через неделю подал заявление на увольнение. Утверждал, что каждую ночь слышит звон ключей. Врачи сказали — нервное истощение. Я не знаю, что он слышал. Но знаю, что запись в журнале была сделана его почерком.

Ася почувствовала, как внутри поднимается злость — не страх, а именно злость на удобство, с которым любое необъяснимое событие превращали в чужую слабость.

— Это зафиксировано?

— Заявление — да. Запись изъяли, но копия сохранилась.

— Покажите.

Варвара Ильинична не двинулась.

— Сначала скажите, зачем вам фонд.

— Нам нужно проверить, существовало ли правило о передаче обещания без личной подписи наследника.

— Не существовало.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Никита повернул голову.

— Вы уверены?

— Я тридцать лет работаю с этими фондами.

— А если правило было в приложении, а не в основном договоре?

— Тогда это не правило, а условие конкретного соглашения.

Ася открыла папку, которую Варвара Ильинична принесла с собой. Внутри лежала копия старого реестра, выданная Никитой из внутреннего кармана пальто.

— У меня есть независимое свидетельство, — сказал он. — Копия описи из нотариальной конторы Северина. Она сделана четырнадцатого марта девяносто восьмого года. В ней указано: «Приложение к соглашению о хранении городских фонарей, листы 17–23». В архивном реестре за тот же день значатся только листы 1–16.

Климов взял копию.

— Откуда она у вас?

— Из дома деда. Я нашёл её не сегодня.

— Почему не передали раньше?

Никита выдержал его взгляд.

— Потому что сначала хотел понять, не являюсь ли сам частью схемы. На копии есть подпись моего деда. И моя — на обороте, уже сделанная взрослым человеком, после смерти отца.

Ася резко повернулась к нему.

— Твоя подпись?

— Не под обязательством. Под распиской о получении семейных бумаг.

— Ты мог сказать.

— Мог.

Это короткое признание прозвучало тяжелее оправдания.

Варвара Ильинична взяла копию двумя пальцами. Долго изучала дату, номер нотариального дела, подпись секретаря.

— Такая опись действительно существует, — сказала она. — Но приложение в архив не поступало.

— Кто его забрал? — спросил Климов.

— По журналу выдачи — никто.

— Значит, журнал неполный.

— Или приложение никогда не существовало.

— Тогда откуда опись? — Ася не отступала.

Варвара Ильинична сняла очки.

— Есть человек, который мог это видеть. Павел Аркадьевич Мельников. В девяносто восьмом он заведовал приёмкой документов и лично принимал коробки от нотариальной конторы. Сейчас живёт на Тихой улице, дом девять. Если он в состоянии говорить, спросите его.

— Вы поедете с нами? — спросил Никита.

— Нет. Я не свидетель.

— Но вы только что сказали, что правила не существовало.

— Я сказала, что его нет в основном фонде. Это не одно и то же.

Ася заметила, как Климов запомнил эту оговорку.

Ильин вдруг шагнул от двери.

— Мельников не станет говорить.

Сотрудник охраны положил ему руку на плечо, но Ильин не сопротивлялся.

— Почему? — спросила Ася.

— Потому что он подписал ведомость. Если приложение пропало после приёмки, отвечать будет он.

— Значит, у него есть причина молчать.

— У него есть причина бояться.

— Это не ответ.

— Он видел, как листы вынесли из коробки.

В помещении стало тихо. Даже за стеной перестали шелестеть папки.

— Кто вынес? — спросил Климов.

Ильин посмотрел на Никиту.

— Ваш дед.

Никита побледнел, но не отвёл взгляда.

— И моя мать? — спросила Ася.

— Она стояла рядом. Держала второй список.

— Вы тоже там были?

— Мне было двадцать два. Я носил коробки.

— И молчали.

— Да.

Ася почувствовала, как конверт в сумке снова нагрелся. На этот раз она не стала прижимать ладонь к коже.

— Тогда мы едем к Мельникову, — сказала она. — Но прежде чем он начнёт говорить, я хочу увидеть ведомость, которую подписал Ильин.

Климов кивнул.

— Варвара Ильинична?

Заведующая уже шла к двери.

— У меня есть копия.

— Почему вы не показали её раньше?

— Потому что вы не спрашивали.

— А теперь спрашиваю.

— Теперь вы знаете, какие вопросы задавать.

Она скрылась в коридоре. Никита остался рядом с Асей, достаточно близко, чтобы она чувствовала его присутствие, но не настолько, чтобы это можно было принять за попытку удержаться.

— Ты злишься, — сказал он.

— На тебя — тоже.

— Справедливо.

— Не соглашайся так легко. Это раздражает.

— Я не пытаюсь получить твоё прощение без твоего согласия.

Ася посмотрела на него. В его лице не было привычной защиты, только усталость и готовность выдержать неприятный разговор.

— Если в копии твоя подпись, ты мог оказаться наследником этого обязательства.

— Возможно.

— А если письмо связано с моей матерью, то я тоже.

— Возможно.

— И ты всё равно привёл меня сюда.

— Я привёл тебя туда, где можно проверить документы. Не туда, где от тебя требуют решения.

— Пока.

Никита кивнул.

— Пока.

Варвара Ильинична вернулась с тонкой папкой. На первой странице лежала ведомость приёмки: дата, количество листов, печать нотариальной конторы. В графе «ответственный сотрудник» стояла подпись Павла Мельникова. Ниже, карандашом, кто-то приписал: «Комплект передан полностью».

Карандашная запись была сделана другой рукой.

Ася наклонилась ближе.

— Это не подпись Мельникова.

— Нет, — сказала Варвара Ильинична. — И не моего предшественника.

Климов закрыл папку.

— Значит, очевидец жив, документ есть, а правило не подтверждается.

— Подтверждается другое, — сказала Ася. — Кто-то оформил передачу документов так, будто согласие уже получено.

В сумке под её рукой конверт перестал быть тёплым. Печать остыла, но тонкая надпись на ней стала темнее.

Ася застегнула сумку.

— Едем к Мельникову. И если он подтвердит, что видел моего мать с этим списком, мы больше не будем обсуждать, была ли ошибка случайной.

Машина выехала со двора архива, когда снег снова пошёл крупными хлопьями. Они тут же таяли на лобовом стекле, и дворники с сухим скрипом стирали город, оставляя после себя мутные полосы.

Климов сел за руль. Ильин устроился рядом, придерживая свободной рукой пакет с ключом. На заднем сиденье оказались Ася и Никита. Между ними лежала папка с ведомостью, будто ещё один пассажир, которому никто не хотел уступить место.

— Адрес? — спросил Климов.

— Улица Тихая, дом девять, — ответила Ася. — Мельников живёт там?

— Живёт, — сказал Ильин. — Если не переехал за последние три года.

— Вы были у него?

— Один раз. После того как он ушёл из конторы.

— И что он сказал?

Ильин пожал плечом.

— Что устал хранить чужие тайны.

— Удобная формулировка, — заметил Никита. — Не слишком похожа на признание.

— Вы хотите, чтобы старик явился к вам с нотариально заверенным раскаянием?

— Я хочу знать, почему он молчал двадцать лет.

— Потому что молчание тоже бывает работой.

Ася посмотрела на его отражение в зеркале. Ильин говорил спокойно, но пальцы на колене сжимались и разжимались, словно он пересчитывал невидимые листы.

Североград за окном расплывался: трамвайные провода, тёмные окна магазинов, женщины в пуховиках, поднимающие воротники. На перекрёстке возле бывшей пожарной каланчи мигнул один из старых фонарей. Свет у него был слабый, жёлтый, и в снегу казался почти большим.

— Ильин сказал, что ваш дед вынес список, — произнесла Ася, обращаясь к Никите. — Вы знаете, так ли это?

— Не знаю. Слышал от отца.

— Когда?

— В последний год его жизни.

— Он называл имена?

— Нет. Только говорил, что Северин-старший спас документы от уничтожения.

— Спас или присвоил?

Никита повернулся к ней.

— Поэтому я и не выдаю его слова за доказательство.

— Но в архив ты меня привёл с ними.

— Я привёл тебя, потому что письмо указало на архивный фонд, а ключ оказался связан с моей семьёй.

— И потому что в этом деле есть твоя мать.

Он выдержал её взгляд.

— Да.

Это короткое «да» не облегчило разговор, но убрало из него одну лишнюю перегородку.

Климов свернул на Тихую улицу. Здесь дома стояли теснее, чем в центре, а снег между ними не убирали — его только утрамбовывали колёсами и подошвами. Девятый дом оказался серым двухэтажным зданием с арочным подъездом. На двери висела табличка: «Лифт не работает с 1987 года». Ниже кто-то приклеил бумажку: «И не будет».

— Вы останетесь в машине, — сказал Климов Ильину.

— Я должен войти.

— Вы должны не исчезнуть.

— Мельников откроет только мне.

— Тогда пойдёте со мной.

Климов защёлкнул наручник на второй руке Ильина, но цепь оставил длинной.

Никита вышел следом.

— Я тоже поднимусь.

— Нет, — сказала Ася.

Он остановился.

— Почему?

— Потому что если Мельников увидит сразу троих людей, он начнёт выбирать, кому удобнее врать. Я поговорю с ним одна.

— Ты не обязана входить туда одна.

— Я не одна. Внизу Климов, у двери — Ильин. А ты останешься здесь и будешь думать, что сказать, если речь зайдёт о твоём деде.

Никита чуть усмехнулся, но без веселья.

— Ты умеешь распределять обязанности.

— Я умею не превращать проверку документов в семейный совет.

Он отступил.

— Хорошо. Если тебе станет неудобно, позвони.

— Не стану звонить из вежливости.

— Я и не просил.

В подъезде пахло углём, кошачьим кормом и горячей пылью от старой батареи. На втором этаже Ильин постучал не в дверь, а в стену рядом с ней — три раза, затем два. Через минуту за дверью послышался тяжёлый шаркающий шаг.

— Кто?

— Это я, Павел.

— Кто — я?

— Ильин. Если ты забыл, у меня ещё есть удостоверение.

Замок повернулся. Дверь приоткрылась на цепочку. В щели показалось лицо старика — сухое, бледное, с густыми бровями и пятнами на висках.

Увидев Асю, он не спросил, кто она.

— Лесина, — сказал Мельников.

Ася почувствовала, как внутри всё напряглось.

— Вы знали, что я приду?

— Нет. Но знал, что кто-нибудь придёт.

Он снял цепочку и отступил.

Квартира была маленькой и перегретой. На подоконнике стояли банки с засохшими чернилами, рядом лежали три раскрытых календаря разных лет. В комнате тикали часы с маятником, хотя маятника у них не было — только металлическая полоска, приклеенная к стеклу.

Мельников указал на стул.

— Садитесь. Только ничего не трогайте.

— Мы пришли не за вещами.

— Все так говорят.

Ильин остановился у двери. Климов остался в коридоре, не снимая пальто.

Ася положила на стол копию ведомости.

Мельников взглянул на неё и закрыл глаза.

— Уже нашли.

— Вы знали, что запись поддельная?

— Я знал, что её внесли не в тот день.

— В какой день была передача?

— Девятнадцатого ноября тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

— А в ведомости стоит двадцать второе.

— Потому что двадцать второе было удобнее.

— Для кого?

Мельников провёл пальцем по краю стола.

— Для тех, кто хотел сделать вид, будто согласие жильцов появилось раньше, чем решение о расселении.

— Согласие было?

— От некоторых — да. От большинства — нет.

— А от моей матери?

Старик посмотрел на неё внимательно.

— Ваша мать не подписывала согласия.

Ася не сразу поняла смысл этих слов.

— Но Ильин сказал, что она держала второй список.

— Держала. И спорила.

— О чём?

— Она говорила, что список нельзя передавать, пока каждый человек не увидит, что именно подписывает. Ей отвечали, что времени нет, что дома опасные, что город нужно спасать быстро.

— Кто отвечал?

Мельников усмехнулся одними губами.

— Те, кто всегда говорит от имени города, когда хочет распорядиться чужим имуществом.

Никита остался внизу, и от этого его отсутствие ощущалось почти физически. Ася достала из папки лист.

— Здесь указано: «Комплект передан полностью». Подпись не ваша.

— Нет.

— Кто её поставил?

— Не знаю.

Ильин резко повернул голову.

— Знаешь.

— Я знаю, чьим карандашом она сделана. Это не одно и то же.

Мельников встал, медленно подошёл к шкафу и вытащил из-за книг плоскую жестяную коробку. На крышке виднелся выцветший рисунок синих цветов. Обычная коробка из-под печенья, только угол был замят.

— Вот это я забрал в тот вечер, — сказал он. — Не документы. Сначала думал, что там скрепки.

Он открыл крышку. Внутри лежали три листка, старый конверт и короткая деревянная линейка с выжженной цифрой семь.

Ася взяла линейку глазами, не касаясь.

— При чём здесь она?

— Ею проверяли, сколько страниц в каждом комплекте. На одном листе стояла отметка карандашом. Семьдесят два. А в переданном наборе было семьдесят три.

— Лишний лист?

— Не лишний. Последний.

Мельников достал конверт. Бумага потемнела по краям, печать на обороте была сломана пополам.

Ася узнала знак: две пересекающиеся линии и маленький просвет между ними. Такой же знак стоял на её конверте.

— Это письмо моей матери?

— Нет. Это копия письма, которое она написала в архивную комиссию.

— Почему оно у вас?

— Потому что его не приняли.

— Кто отказался принять?

Мельников посмотрел на Ильина.

— Он.

В комнате стало тесно. Ильин выпрямился.

— Я не мог принять его после заседания.

— Ты мог хотя бы зарегистрировать.

— Мне приказали не регистрировать.

— Кто?

Ильин молчал.

Ася повернулась к нему.

— Имя.

Старик сжал губы. Климов сделал шаг из коридора, но Ася остановила его ладонью.

— Не надо, — сказала она. — Пусть ответит сам.

Ильин смотрел на письмо, а не на неё.

— Елена Северина.

Никитина мать. Имя легло на стол рядом с печатью и старой линейкой.

— Она приказала вам скрыть обращение?

— Она сказала, что если письмо войдёт в реестр, начнётся проверка, а проверка остановит расселение.

— И это было её решение?

— Да.

— Она понимала, что люди подписывают?

— Понимала.

— Тогда почему в списке появилась отметка о согласии?

— Потому что отметку поставили после.

— Кто?

Ильин поднял глаза.

— Не Елена.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Мельников тихо сказал:

— Не она поставила знак. Она только разрешила считать молчание согласием.

Ася почувствовала, как холод от конверта в сумке проходит сквозь ткань и касается бедра. Не боль, не зов — скорее напоминание о чужом решении, которое теперь пытались переложить на неё.

— Мельников, — сказала она, — в этой коробке есть доказательство того, что письмо не приняли?

— Есть журнал входящих. Но он не у меня.

— Где?

Старик кивнул на деревянную линейку.

— Под ней я оставил номер страницы. Журнал передали в нотариальную контору на улице Соляной. Там его хранят до сих пор, если не уничтожили.

Климов достал блокнот.

— Номер?

Мельников назвал его. Климов записал, затем взглянул на Ильина.

— Теперь понятно, почему вам нужен был ключ.

Ильин не ответил.

Ася убрала копию письма обратно в жестяную коробку, но Мельников удержал крышку.

— Нет. Это останется у вас.

— Почему?

— Потому что оригинал исчезнет, если его снова спрятать у старика.

— Вы отдаёте мне улику?

— Я отдаю вам то, что однажды не сумел защитить.

Ася взяла конверт. Бумага оказалась сухой и шероховатой. Внутри лежал лист с подписью матери и датой: девятнадцатое ноября. Ниже, под текстом, была приписка другой рукой: «Согласие не дано. Передачу остановить».

На полях стояла печать — не архивная, а семейная. И рядом с ней, почти незаметно, карандашная цифра семь.

Климов протянул руку.

— Я оформлю изъятие.

Ася не отдала письмо сразу.

— Сначала снимем копии. При свидетеле. И зафиксируем, что Мельников передал его добровольно.

— Разумно, — сказал Климов.

— Ильин поедет с нами.

— Разумеется.

Мельников опустил на стул и вдруг спросил:

— А девушка знает, что её мать пыталась остановить дело?

Ася застыла.

— Какая девушка?

— Елена тогда пришла не одна. С ней была маленькая дочь. Лет пяти или шести. Она ждала в коридоре, держала в руках красную варежку и всё время спрашивала, скоро ли мама выйдет.

Никита наверху. Ася поняла это по тому, как в подъезде скрипнула половица.

— Вы уверены? — спросила она.

— Уверен. Я ещё подумал, что ребёнок слишком хорошо запомнит этот день.

Мельников перевёл взгляд на Ильина.

— Но вы велели сторожу не пускать девочку обратно в комнату.

Ильин побледнел.

— Я не велел.

— Велели.

В дверях появился Никита. Он стоял на лестничной площадке, одной рукой держась за перила.

— Моя мать была здесь? — спросил он.

Мельников посмотрел на него и медленно кивнул.

— В тот же день.

— С ребёнком?

— С тобой. Я оговорился: не с дочерью, а с сыном.

Никита не вошёл. Его лицо стало неподвижным, только на скулах проступили жёсткие тени.

Ася ощутила желание подойти к нему, но не сделала этого. Он сам должен был выбрать расстояние.

— Я не помню, — сказал он.

— Тебе было шесть, — ответил Мельников. — Память могла спрятать подробности. Но варежка была красная.

Никита взглянул на Асю.

— У меня была такая.

— Ты помнишь?

— Не день. Варежку.

Ильин опустил голову.

— Нас не должны были связывать с этим списком, — сказал он. — Ни тебя, ни Лесину. Мы пытались защитить детей.

— Нет, — тихо ответил Никита. — Вы пытались защитить решение взрослых от тех, кто мог его оспорить.

— Тогда ты не понимаешь...

— Понимаю достаточно.

Ася закрыла жестяную коробку.

— Теперь у нас есть дата, письмо и свидетель. Этого мало для обвинения, но достаточно, чтобы перестать называть случившееся ошибкой.

Климов забрал у неё коробку, предварительно надев перчатки.

— У нас есть ещё кое-что, — сказал он. — Ильин признал, что приказ о незанесении письма исходил от Елены Севериной. Это оформим отдельно.

— Я не признавал вины, — резко сказал Ильин.

— Я не сказал «вины». Я сказал — источник приказа.

Снизу хлопнула входная дверь. В подъезд ворвался ветер, и снег закружился под лестницей. Никита спустился первым, не дожидаясь остальных.

Ася задержалась у Мельникова.

— Почему вы молчали так долго?

Старик посмотрел на часы без маятника.

— Потому что однажды поверил, будто чужое согласие можно заменить заботой. Потом стало легче считать годы, чем людей, которых это решение задело.

— Теперь вы готовы говорить?

— Теперь мне уже нечем оправдываться.

Она кивнула и вышла. На лестнице Никита стоял у окна, сжимая в руке красную шерстяную нитку, выглядывавшую из кармана его пальто.

— Это не варежка, — сказал он, заметив её взгляд. — Но цвет тот же.

— Ты нашёл её?

— Нет. Она всё это время была у меня на шарфе. Бабушка пришила после того дня, сказала, что я порвал нитку.

Он посмотрел вниз, на Климова и Ильина.

— Я помню, как мать вывела меня из здания. Она была злая. Я спросил, почему мы не можем остаться. Она сказала: «Потому что некоторые двери открываются только для тех, кто согласен молчать».

Ася не стала спрашивать, почему он не рассказывал раньше. Сейчас это было бы слишком похоже на требование немедленного отчёта.

— Ты знал эту фразу?

— Нет. Вспомнил только сейчас.

— И что ты будешь делать?

Никита посмотрел на неё прямо.

— Проверю всё, что связано с моей матерью. Даже если в конце окажется, что она виновата.

— Это не обещание исправить её прошлое?

— Нет. Я не могу исправить прошлое. Могу только не помогать ему повторяться.

Внизу Климов открыл дверь машины.

Ася спустилась рядом с Никитой. Между ними оставалось полшага, но теперь это расстояние не разделяло их: оно принадлежало каждому из них и потому не требовало оправданий.

В машине пахло мокрой шерстью, бензином и железом от печки, которую давно следовало прочистить. Климов сел за руль, Ильина устроил рядом с собой, оставив между ними пакет с ключом и жетоном. Ася с Никитой оказались на заднем сиденье. Между их коленями лежала жестяная коробка, завёрнутая в серую папку.

— В архив не поедem, — сказал Климов, заводя двигатель. — Там нас уже ждут.

— Кто? — спросила Ася.

— Если бы я знал, кого именно, не стал бы говорить «нас». Сказал бы «его».

Он кивнул на Ильина.

Тот смотрел в запотевшее окно. На стекле дрожали отражения фонарей, размытые снегом и движением машины.

— В архиве осталась копия регистрационного журнала, — сказал он. — Оригинал приказа хранился не там.

— Где? — спросил Никита.

— В старой конторе переселения на улице Кузнечной. Её закрыли после объединения отделов.

— Почему вы не сказали об этом раньше?

Ильин повернул голову. Одно запястье в наручнике лежало на колене, второе оставалось свободным.

— Потому что копия журнала подтверждала не всё. А оригинал мог исчезнуть. Я не хотел вести вас за бумажкой, которую давно сожгли.

— Это не вам решать, за чем нам идти, — сказала Ася.

— Я уже понял.

Климов свернул с проспекта, и машина пошла по узкой улице, где снег не убрали, а только утоптали колёсами. На перекрёстке он затормозил перед трамваем.

Никита достал из внутреннего кармана плоскую папку.

— У меня есть документ.

Ася повернулась к нему.

— Какой?

— Акт согласования временного переселения семей, включённых в программу освобождения аварийного фонда. Декабрь девяносто восьмого года. Я нашёл его сегодня утром в доме матери.

— Ты успел вернуться домой?

— Не домой. В её квартиру.

Он раскрыл папку, но не вынул бумагу.

— Подожди, — сказала Ася. — Где ты нашёл?

— В шкафу за нижней полкой. Среди квитанций и старых рецептов. Она не прятала документ тщательно. Скорее, убрала туда, где никто не станет искать.

— И ты решил, что это независимое свидетельство?

— Не я решил. Посмотри.

Он протянул Асе лист. Бумага была плотной, желтоватой, с голубой печатью городского управления. В верхней строке значилось: «Акт согласования временного переселения семей, включённых в программу освобождения аварийного фонда». Ниже шли фамилии, номера помещений и даты. Дата составления — двенадцатое декабря 1998 года.

Ася быстро пробежала глазами список.

— Здесь нет Ильина.

— И нет моей семьи, — сказал Никита.

— Зато есть Лесиные.

Она остановилась.

В графе напротив фамилии стоял номер квартиры, а в последней колонке — пометка: «согласие получено в порядке особого уведомления». Подпись уполномоченного была неразборчивой, но рядом виднелся отпечаток печати с треснувшим краем.

— Это не согласие, — сказала Ася.

— Я знаю.

— Нет, ты не понимаешь. Здесь специально использовано выражение, которое в муниципальных документах означало отсутствие возражений в течение срока. Не подпись, не устный ответ, а молчание. «Особое уведомление» применяли, если человека нельзя было заставить по месту проживания.

— Мою мать застали, — сказал Никита. — Она подписала расписку о получении.

Ася подняла глаза.

— Здесь её подписи нет.

— Потому что это другой документ.

Климов, не оборачиваясь, спросил:

— Сколько семей в списке?

— Двадцать семь.

— А в письме Мельникова?

Ася достала конверт, который всё это время лежал в её сумке, и сверила записи.

— Тридцать две. Пять фамилий добавлены позже.

— Ильин говорил, что детей пытались вывести из списка, — заметил Никита.

— Но здесь список не детей. Здесь семьи.

— А в приложении?

Ася перевернула лист. На обороте, почти у самого сгиба, была приклеена узкая полоска кальки. На ней от руки записали номера дел и инициалы. Среди них она увидела: «Н.С. — несовершеннолетний. Отдельное уведомление не требуется».

Никита наклонился к листу.

— Н.С. Это я.

— Твоя мать была законным представителем.

— А если её согласие считалось полученным заранее?

— Тогда это подмена. Несовершеннолетний не мог дать согласие на включение в семейное обязательство, а взрослый не мог дать его за ребёнка на бессрочный срок.

Ильин тихо усмехнулся.

— В те годы считали иначе.

— Закон не меняется от того, как его называют в закрытой комнате, — ответила Ася.

— Меняется не закон, — сказал он. — Меняется человек, который его читает.

Климов свернул к зданию с облупившимся зелёным фасадом. Над входом всё ещё висела ржавая табличка: «Сектор временного расселения». Окна первого этажа были заколочены, но боковая дверь оказалась открыта.

— Вы знали, что здесь можно войти? — спросила Ася.

— Нет, — ответил Климов. — Но замок свежий.

Внутри пахло сыростью, плесенью и старой бумагой. Коридор освещала единственная лампа под металлической сеткой. На стенах остались прямоугольники, где когда-то висели стенды. Пыль на полу была нарушена: от двери тянулись два ряда следов, один — к лестнице, другой — обратно.

Климов достал фонарь.

— Ильин, впереди я. Вы не трогаете ничего без разрешения.

— А если документ лежит на виду?

— Тогда вы всё равно сначала скажете.

— А если тот, кто пришёл раньше нас, уже забирает его?

Климов посмотрел на него.

— Тогда скажете громче.

Они поднялись на второй этаж. За дверью бывшей бухгалтерии обнаружилась комната с металлическими шкафами. Один шкаф стоял раскрытым. На полу валялись папки, некоторые были разорваны по корешкам.

Ася присела возле ближайшей.

— Здесь дела за девяносто седьмой. Их перебирали недавно.

Никита вошёл следом и замер у окна.

— Вон там.

Во дворе, у мусорных контейнеров, стояла женщина в тёмном пуховике. Она подняла голову, словно почувствовала взгляд, и быстро пошла к воротам.

Климов рванулся к лестнице. Никита последовал за ним, но Ася схватила его за рукав.

— Не лезь первым.

— Я просто догоню.

— Именно это обычно и означает.

Он остановился, стиснув челюсть. На секунду в его лице проступил тот мальчик с красной ниткой на шарфе — не испуганный, а упрямо решивший больше никого не отдавать чужому решению.

— Она могла быть у матери, — сказал он.

— А могла быть человеком, который хочет, чтобы ты побежал за ней.

Климов уже исчез внизу. Через несколько секунд хлопнула дверь двора, затем послышались короткие шаги и его голос:

— Стоять!

Ответом был скрежет металла и ругань.

Ася повернулась к Ильину.

— Есть другой выход?

Он смотрел на раскрытый шкаф.

— Через архивный коридор. Он выходит к котельной.

— Вы знали?

— Я здесь работал.

— Тогда ведите.

Ильин поднял свободную руку, но не двинулся.

— Если я приведу вас туда, вы увидите, где хранили приложения к актам.

— Я именно это и хочу увидеть.

— Там нет света.

— У нас есть фонарь.

Он усмехнулся, впервые почти без горечи.

— Вот теперь вы говорите как человек, который действительно собирается проверить документы.

Они прошли по узкому коридору. За стеной гудели трубы. В котельной было жарко, пахло углём и маслом. Дверь наружу оказалась заперта с внутренней стороны, а рядом, на крюке, висела связка ключей.

Ильин остановился.

— Раньше здесь дежурила Анна Корнеева. Она видела, как Елена Северина принесла список.

— Где она сейчас? — спросила Ася.

— В доме на Ветровой. Если жива.

— Вы не проверяли?

— Проверял. Два года назад.

— И?

Ильин опустил глаза.

— Она отказалась говорить со мной.

— А с нами?

— Не знаю.

Снаружи хлопнула дверь. Климов вернулся один, держа в руке тёмную перчатку.

— Ушла через двор, — сказал он. — Знала планировку. Я видел её лицо, но не догнал. Никита смотрел на перчатку.

— Это её?

— Скорее всего.

— Тогда она не случайно пришла.

Климов поднял ключи с крюка.

— Найдём Корнееву.

Ася не ответила. В дальнем углу котельной стоял низкий деревянный ящик, накрытый старым брезентом. На крышке виднелся круглый след от печати, а под ним — свежая царапина.

Она откинула ткань. В ящике лежали папки, перевязанные бечёвкой, и небольшая керамическая чашка с отколотым краем — самая обычная, белая, с синей полосой по ободку. Но на её дне, под слоем копоти, проступал тот же треснувший знак, что и на печати акта.

— Это не реквизит, — сказал Ильин. — Её прижимали сургуч, когда не хватало прессы.

Ася осторожно подняла чашку через перчатку.

На внутренней стороне полосы сохранился бурый след воска. Рядом лежала папка с надписью: «Особые уведомления. Семьи Северина, Лесина, Ильин».

Никита сделал шаг к ящику.

— Там наша фамилия.

— Да, — сказала Ася. — И теперь тот, кто пришёл сюда раньше нас, знает, что мы её нашли.

Из коридора донёсся звон стекла. Климов мгновенно погасил фонарь.

— Все назад, — прошептал он.

В темноте Ася почувствовала, как Никита встал рядом, но не коснулся её. Ильин тяжело дышал. Где-то наверху скрипнула дверь, затем послышались осторожные шаги.

Климов достал оружие.

— Если это ваша знакомая, — тихо сказал он Ильину, — сейчас вы объясните ей, почему мы здесь.

— Она не моя знакомая, — ответил тот. — Она свидетель.

Ася крепче сжала папку с особыми уведомлениями. Впервые за этот вечер у них было не только прошлое, записанное чужой рукой, но и доказательство того, что кто-то до сих пор готов защищать это прошлое действием.

Глава 3. Цена первой ошибки

Климов поднял руку, и все замерли.

Шаги наверху прекратились. В наступившей тишине слышно было, как по жестяной крыше барабанит талая вода. Потом что-то тяжёлое сдвинулось, скрипнула дверь, и в пролёте показался узкий луч света.

— Я знаю, что вы внизу, — сказала женщина. — Не стреляйте. Здесь стены тонкие, а я не настолько храбрая, чтобы проверять, насколько хорошо вы слышите.

Климов не опустил оружие.

— Спускайтесь медленно. Руки перед собой.

— У меня фонарь.

— Руки перед собой, фонарь держите на виду.

Женщина подчинилась. Вниз по лестнице поплыли жёлтые круги света. Она оказалась лет пятидесяти, в коротком тёмном пальто, с мокрыми прядями, выбившимися из-под вязаной шапки. В одной руке она держала старый электрический фонарь, в другой — плоскую кожаную папку.

Ильин резко втянул воздух.

— Нина.

— Вот теперь можете называть меня знакомой, — ответила женщина. — Вы всё равно уже это сделали.

Она остановилась на последней ступени. Климов быстро осмотрел её, забрал папку и только потом позволил поставить фонарь на пол.

— Кто вы? — спросила Ася.

— Нина Громова. В ту ночь я дежурила на подстанции у северного щита. Формально — техник. Фактически — единственный человек, который заметил, что аварию подготовили заранее.

Никита взглянул на Ильина.

— Вы говорили, что она свидетель. Не уточняли, чего именно.

— Потому что она исчезла на следующий день, — сказал Ильин. — Я не знал, можно ли считать её живой свидетельницей или просто человеком, который слишком долго боялся.

— Я была живой, — сухо сказала Нина. — А страх никуда не исчез.

Климов открыл папку. Внутри лежали копии журналов, несколько распечаток и конверт, перехваченный двумя металлическими скрепками.

— Откуда это?

— Из моего шкафчика на подстанции. Я забрала бумаги перед тем, как его опечатали. Думала, что однажды отнесу их в прокуратуру. Потом узнала, что начальник участка уже подписал объяснение за меня.

— Подделал подпись? — спросила Ася.

— Нет. Хуже. Принёс мне готовый текст и сказал: если соглашусь, никого не посадят, а людей из дома у щита расселят без задержки. Он говорил, что это временная мера, что город нельзя оставлять без света и тепла. Я поставила подпись.

Нина открыла папку на странице с пожелтевшей копией.

— Через три дня после аварии две семьи получили новые квартиры. А ещё через месяц у них забрали документы на старые дома. Один мужчина умер, не дождавшись суда. Вот вам цена общего блага.

В её голосе не было громкости, но каждое слово ложилось тяжело.

Ася взяла лист. Подпись была неровной, с длинным хвостом на последней букве. Под ней стояла формулировка: «Согласие на временное ограничение права пользования жилым помещением в связи с необходимостью сохранения городской инфраструктуры». Ниже — печать, дата и номер распоряжения.

Она перечитала строку.

— Это не согласие на расселение.

— Теперь вы видите, — сказала Нина.

— Вижу, что подпись есть.

— Подпись — не то же самое, что согласие на всё остальное.

Ильин молча смотрел в пол.

Ася перевернула страницу. Внизу имелась приписка от руки: «Согласие распространяется на действия уполномоченной комиссии до полного устранения угрозы». Чернила были темнее основного текста.

— Кто внёс эту строку?

— Я не знаю.

— Но вы подписали документ после её появления?

— Да.

— Вы прочитали его?

Нина подняла взгляд.

— Прочитала.

— Тогда почему говорите, что вас заставили?

— Потому что выбор бывает не только между свободой и оружием у виска. Иногда тебе дают ручку, ставят рядом список жильцов и говорят: если не подпишешь, аварийная бригада не войдёт в дом. Ты понимаешь, что подпись твоя, и всё равно понимаешь, что тебя загнали в угол.

Климов пролистал папку.

— Здесь нет оригинала.

— Оригинал у Ильина.

Все посмотрели на него.

Ильин медленно расстегнул внутренний карман пиджака и достал сложенный вчетверо лист. Бумага была плотнее архивной, по краям покрыта серыми пятнами. Он передал её Асе.

— Я забрал его из комиссии после первого заседания.

— Вы говорили, что у вас только ключ.

— Я говорил, что у меня есть причина не доверять ни одному человеку в этой комнате.

— А теперь доверяете?

— Нет. Но времени стало меньше.

Ася развернула лист. Оригинал выглядел почти так же, как копия Нины. Почти. На нём не было рукописной приписки.

Никита наклонился к документу.

— Здесь другой текст.

— Его заменили, — сказала Нина. — В копии приписка есть, в оригинале нет.

Климов взял оба листа, положил рядом на подоконник и достал лупу.

— Печать на оригинале поставлена двенадцатого марта. На копии номер распоряжения тот же, но дата исправлена на четырнадцатое.

— Значит, копию сделали позже, — сказала Ася.

— Или оригинал заменили, — возразил Никита.

Ася коснулась края бумаги перчаткой. Вдоль сгиба проступала тонкая серебристая линия — не сияние, а скорее след от металлической пудры, впитавшейся в волокна. Она видела подобное на печати из жестяной коробки: магия договора не создавала новых слов, но удерживала смысл того, что было принято сторонами. Если смысл подменяли, старый текст не исчезал. Он оставлял след.

— Здесь был другой лист, — сказала она. — Этот документ складывали вместе с чем-то, на нём осталась реакция печати.

Никита посмотрел на неё.

— Ты уверена?

— Я уверена, что бумагу заменяли. Не уверена, когда именно.

Ильин усмехнулся без радости.

— Значит, вот почему вы решили, что письмо связано с аварией.

— Нет, — ответила Ася. — Это объясняет документ. Не письмо.

Она открыла жестяную коробку, которую Климов забрал с чердака, и достала старое письмо в промасленной обёртке. Конверт был адресован не Ильину, а «хранителю северного света». На обороте стояли три печати: Северина, Лесина и ещё одна, стёртая до неузнаваемости.

Нина отступила на шаг.

— Я видела этот знак.

— Где?

— На щите в ту ночь. Он был выведен мелом поверх аварийной схемы. Я решила, что это отметка ремонтников.

— Кто стоял рядом? — спросил Климов.

Нина закрыла глаза, вспоминая.

— Мужчина в сером пальто. Он держал фонарь, но светил не на провода, а на бумагу. Я видела его лицо только сбоку. Ильин был там позже.

Ася повернулась к Ильину.

— Вы сказали, что видели человека у щита.

— Я видел не его. Я видел, как он уходил.

— Вы знали, что авария подготовлена?

— Подозревал.

— И всё равно подписали документы, которые позволили комиссии распоряжаться чужими домами.

Ильин сжал челюсть.

— Я подписал только протокол доступа к подстанции.

Нина резко рассмеялась.

— Вот первое объяснение, которое он повторял двадцать лет.

Она вытащила из папки ещё один лист и положила перед ним. Это была копия реестра, в котором напротив фамилии Ильина стояла его подпись. В графе «полномочия» значилось: «представитель семейного соглашения».

Никита прочитал строку и побледнел.

— Представитель семейного соглашения? — спросил он.

Ильин не ответил.

Ася почувствовала, как внутри у неё холодеет не от сквозняка. Протокол доступа мог быть технической бумагой. Эта запись делала его участником договора.

— Вы не просто открыли им подстанцию, — сказала она. — Вы дали комиссии право действовать от имени трёх семей.

— Я думал, что это позволит остановить изъятие домов.

— Думали?

— Мне обещали, что подпись будет действовать только до устранения аварии.

— Но вы не проверили формулировки.

— Проверил.

— И всё равно подписали.

Ильин поднял на неё глаза.

— Потому что в тот момент внутри щита находились люди.

На несколько секунд в подвале стало совсем тихо. Нина опустила руки. Никита отвернулся к тёмному коридору.

Ася снова посмотрела на реестр. Внизу, под подписью Ильина, стояла крошечная печать, почти стёртая. Та самая треснувшая отметина, которую они видели на акте о расселении.

— Скажите правду, — произнесла она. — Что именно вам пообещали?

Ильин долго не отвечал.

— Что если я дам им доступ и признаю комиссию законной, людей выпустят из дома до обрушения. Мне показали список. Там была семья с ребёнком. Я видел подпись старшего Северина и решил, что договор настоящий.

Никита резко обернулся.

— Моего отца?

— Его подпись была на первой странице.

— Вы знали, что он не давал вам полномочий?

— Я знал только, что он обещал защищать дом.

— Это не ответ.

— Это всё, что у меня было.

Никита сделал шаг к нему, но Ася встала между ними. Не касаясь, не удерживая — просто заняла пространство, в котором сейчас могло случиться непоправимое.

— Нет, — сказала она. — Не здесь. Мы не будем превращать признание в повод для следующей ошибки.

Он посмотрел на неё, и в его лице смешались злость и стыд.

Климов сложил документы в пакет.

— Сейчас мы уходим. Оригинал останется у меня как вещественное доказательство.

— Нет, — возразила Ася. — Сначала снимем копии и зафиксируем состояние бумаги. Если оригинал исчезнет, останется только слово Ильина.

— Вы мне не доверяете?

— Я не доверяю ситуации.

Она достала телефон, включила камеру и разложила документы на чистом листе. Никита, помедлив, включил верхний свет. Нина держала фонарь, а Ильин стоял у стены, впервые лишённый возможности спрятаться за чужой тайной.

Сначала Ася сняла рядом копию Нины и оригинал Ильина. На обоих листах стояло: «Согласие на временное ограничение права пользования жилым помещением». Она сделала отдельный кадр рукописной приписки на копии, затем — того же места в оригинале. Там приписки не было.

Закончив с согласием, Ася отложила оба листа и принялась снимать реестр и страницы дела. Теперь требовалось зафиксировать не разницу между копией и оригиналом, а то, какие полномочия были записаны за комиссией и где стояли подписи. О доступе к подстанции пока говорил Ильин. Бумаги перед ними говорили о чужих домах. Ася фотографировала страницы целиком, не обрезаю ни краёв, ни следов подшивки.

Ася увеличила снимок на экране. Буквы расплывались, бумажные волокна превращались в серую сетку, но печать оставалась различимой: трещина проходила не по гербу, а по нижнему краю рамки.

— Увеличьте вторую страницу, — сказал Никита.

— Уже.

Он наклонился к телефону. Его плечо почти коснулось её плеча, но Ася не отодвинулась. На второй странице стояла подпись старшего Северина — широкая, с резким нажимом на последней букве. Рядом виднелась выцветшая отметка нотариального стола.

— Это его почерк, — произнёс Никита.

Ильин кивнул.

— Я же говорил.

— Вы говорили, что видели подпись на первой странице, — отрезал Никита. — Здесь она на второй.

Ася пролистала фотографии назад. В реестре подпись действительно находилась под перечнем полномочий комиссии. Но лист был пришит к общей папке позднее: отверстия от иглы не совпадали, а цвет нитки отличался от той, которой скрепляли остальные страницы.

— Страницы переставляли, — сказала она.

Климов взял лупу, лежавшую на краю стола, и осторожно рассмотрел шов.

— Не просто переставляли. Смотрите на следы клея.

Ася придвинула лампу. Под верхним слоем бумаги проступала тонкая прямоугольная тень.

— Здесь раньше был другой лист.

— Или вложение, — сказала Нина.

— Нет. — Ася провела пальцем над бумагой, не касаясь. — Клей нанесён после того, как подпись высохла. Лист прикрепили к обложке отдельно. А вот этот... — она указала на вторую страницу, — был частью другого дела.

Ильин побледнел.

— Но я подписывал всё сразу.

— Вы подписывали лист, который вам показали?

— Да.

— Тогда вы не могли видеть эту страницу.

— Видел.

— Вы помните формулировку?

Он открыл рот и замолчал.

Никита медленно выпрямился.

— Что было написано?

Ильин смотрел на копию, будто надеялся, что буквы изменятся.

— «Временный доступ к подстанции и прилегающим помещениям для проведения аварийных работ».

— А здесь? — спросила Ася.

Климов прочитал вслух:

— «Передача комиссии права распоряжения недвижимым имуществом, находящимся под защитой семейного соглашения, до окончания восстановительных мероприятий».

В подвале снова стало тихо. Где-то за стеной капала вода: ровно, терпеливо, как счётчик.

— Это не одна формулировка, — сказала Ася. — И не исправление. Это другой документ.

— Но подпись настоящая, — прошептал Никита.

Он не спрашивал. Утверждал.

Ильин сжал свободную руку в кулак.

— Я не видел второй страницы.

— Значит, вас обманули, — сказала Нина.

— Нет. — Ася покачала головой. — Пока мы можем утверждать только то, что подпись Северина подлинная, а лист с полномочиями был присоединён к делу позже. Это подтверждает одно: ваш отец действительно подписывал аварийный доступ. Но не подтверждает, что он решал распоряжаться домами.

Никита посмотрел на неё.

— Ты понимаешь, что для него это не станет разницей?

— Понимаю.

— Для меня тоже.

— Я не пытаюсь уменьшить его ответственность.

— А что ты пытаешься сделать?

— Не дать чужой лжи стать нашей памятью.

Он отвёл взгляд. На мгновение Асе показалось, что он сейчас уйдёт к лестнице, оставив Климову и ей разбираться с бумагами. Но Никита остался.

Климов достал из внутреннего кармана прозрачный пакет.

— В архиве есть скан-копия регистрационной книги. Если эта папка проходила официально, там будет указано количество листов и дата подшивки. Но архив закрыт.

— Мы только что из него приехали, — сказала Нина.

— И там уже знают, что документы нашли.

— Потому что кто-то был здесь до нас, — напомнил Никита.

Климов посмотрел на тёмный коридор.

— Вот это мы сейчас и проверим.

Он подал Асе перчатки.

— Оставайтесь за мной. Ничего не трогать.

— Я умею работать с документами.

— А я умею отличать документ от ловушки.

— Тогда не мешайте мне замечать разницу.

Климов задержал на ней взгляд, но спорить не стал. Они прошли к металлическому шкафу в глубине подвала. Дверца была приоткрыта на толщину пальца. Нина тихо выругалась.

— Я его закрывала, — сказала она.

— Когда?

— После того как принесла папку.

— Вы одна сюда заходили? — спросил Климов.

— С Ильиным.

— И больше никого не видели?

Нина покачала головой.

Ася присела перед шкафом. На замке не было царапин, зато под ним лежала небольшая полоска серой бумаги. Она подцепила её пинцетом.

— Это от регистрационного листа.

На полоске сохранились три слова: «...листов, печать, подписи».

— Вырвали страницу, — сказал Никита.

— Не страницу. Полосу с количеством листов. Чтобы нельзя было доказать, когда подшили дополнение.

Ильин тяжело опустился на стул.

— Я подписал доступ. Я действительно это сделал. Если бы не подписал, люди могли погибнуть.

— Да, — ответила Ася.

Он поднял голову, ожидая, видимо, осуждения или облегчения. Не получил ни того ни другого.

— Но после этого, — продолжила она, — кто-то использовал ваше решение как основание для другого. Вы дали им вход. Они превратили вход в право собственности.

— Я должен был проверить.

— Должны были.

Ильин закрыл лицо ладонью.

Никита резко сказал:

— Хватит.

Ася повернулась к нему.

— Что именно?

— Говорить так, будто это простая ошибка в папке.

— Я не говорю, что простая.

— Вы говорите, что он виноват ровно настолько, насколько удобно вашей схеме.

— А ты хочешь, чтобы мы назвали его невиновным?

— Нет.

— Тогда не требуй от меня лжи только потому, что правда тебе неприятна.

Никита замолчал. В его лице проступила усталость, которой Ася прежде не замечала: не сегодняшняя, а накопленная годами, с тех пор как он научился защищать фамилию раньше, чем успевал понять, за что именно.

Климов открыл шкаф. Внутри лежали пустые картонные коробки, старые описи и жестяная коробочка с канцелярскими скрепками. На нижней полке обнаружился конверт.

Обычный, коричневый, без адреса. На клапане стояла круглая печать, расколота тонкой линией.

Ася не притронулась к нему.

— Фотографируем на месте, — сказала она.

Никита включил фонарь. Нина держала телефон, Климов записывал время и положение находки. Только после этого Ася вскрыла конверт ножом.

Внутри лежал один лист и маленькая латунная пластинка, похожая на жетон из пакета Климова. На листе было написано:

«Если вы нашли эту папку, значит, первая версия уже принята за правду. Не ищите того, кто подписал. Ищите того, кто получил право толковать подпись».

Под текстом стояла дата — за три дня до аварии.

Никита прочитал записку и побледнел.

— Это написал мой отец?

— Пока неизвестно, — сказала Ася.

— Почерк его.

— Почерк можно сравнить. Но записка не доказывает, что он знал о подмене.

Климов перевернул лист. На обороте стояла отметка архивного отдела и фамилия регистратора. Ася узнала её не сразу, но когда узнала, почувствовала, как холод поднимается от пола к коленям.

Регистратором значилась Варвара Ильинична.

— Нет, — тихо сказал Никита.

Ася положила лист на прозрачную папку.

— Мы возвращаемся в архив.

— Сейчас? — спросила Нина.

— Сейчас. Пока тот, кто подшивал бумаги, не понял, что мы нашли его имя.

Климов забрал конверт в пакет, Ильин поднялся, опираясь на край стола. Никита остался возле Аси, уже не споря, но и не прячась за её решениями.

На лестнице он остановил её.

— Ты всё равно считаешь, что подпись моего отца ничего не меняет?

— Нет. Она меняет всё.

— Тогда почему говоришь так спокойно?

Ася посмотрела на влажные ступени, на свет фонаря, разбитый о стены.

— Потому что если я позволю чужому согласию заменить правду, то стану делать то же, что они.

Никита кивнул, но ответил не сразу.

— А если правда разрушит то, что ещё можно сохранить?

— Тогда мы хотя бы будем знать, что именно потеряли.

Он пропустил её вперёд. Наверху уже слышался ветер, и вместе с ним — далёкий звон североградского фонаря. Перед тем как выйти из подвала, Ася ещё раз взглянула на папку с двумя версиями одного согласия и поняла: первой ошибкой было не то, что Ильин подписал документ, а то, что они сами почти поверили человеку, который объяснил эту подпись слишком удобно.

Ася поднялась по лестнице первой. Холодный воздух ударил в лицо, пахнувший талым снегом и ржавым железом. На дворе ветер гонял по плитам обрывки газет, а над входом в архив дрожала жёлтая лампа. Её свет то разгорался, то слабел, словно кто-то невидимый прикрывал ладонью стекло.

Никита вышел следом и задержался у двери.

— Ты думаешь, Варвара Ильинична всё ещё там?

— Если она поняла, что её имя нашли, то либо ждёт нас, либо уже уходит.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Климов вывел Ильина из подвала, не снимая наручника. Нина шла рядом, прижимая к груди телефон с фотографиями. Уличная дверь закрылась за ними слишком легко — без привычного тяжёлого щелчка замка.

Ася остановилась.

— Вы запирали?

— Да, — сказал Климов. — Дважды проверил.

Он толкнул дверь. Та открылась.

Внутри было темнее, чем обычно. Лампы в коридоре горели через одну, и от этого знакомое здание казалось чужим. На посту охраны пустовал стул, рядом валялась раскрытая книга регистрации посетителей. Последняя запись была сделана час назад. Дальше листы чистые.

Нина подняла с пола связку ключей.

— Здесь никого нет.

— Не трогайте, — одновременно сказали Ася и Климов.

Нина замерла, затем осторожно положила ключи обратно.

Из читального зала донёсся короткий металлический звук. Будто на стол уронили печать.

Климов поднял оружие.

— Оставайтесь за мной.

— Нет, — сказала Ася. — Если там Варвара Ильинична, вы напугаете её раньше, чем мы услышим правду.

— А если не она?

— Тогда оружие всё равно не заменит осмотра.

Климов посмотрел на неё тяжёлым взглядом, но спорить не стал. Он вошёл первым, затем пропустил Асю. Никита двинулся следом.

В читальном зале горела только настольная лампа у окна. За столом сидела Варвара Ильинична. Пальто она не сняла, перчатки лежали рядом с сумкой. Перед ней стояла открытая книга регистраций и небольшая чёрная печатная подушка.

Заведующая подняла голову.

— Я знала, что вы вернётесь.

— Почему не заперли архив? — спросил Климов.

— Потому что мне нужно было оставить дверь открытой.

— Для кого?

— Для тех, кто ещё способен войти без приказа.

Климов не опустил оружия.

Ася подошла к столу, остановившись на расстоянии вытянутой руки.

— Вы регистрировали особые уведомления три дня до аварии?

— Да.

— И поставили отметку на найденном письме?

— Да.

Никита шумно выдохнул. Он стоял у шкафа, ладонью опираясь о его край.

— Вы знали, что в папке подменили текст?

Варвара Ильинична посмотрела на него.

— Я знала, что текст изменили после регистрации.

— Это не одно и то же.

— Для тех, кто подписывал бумаги, разница была существенной.

Ася достала из пакета фотографию листа и положила её на стол.

— Объясните.

Варвара перевела взгляд на снимок. Лицо её не изменилось, но пальцы медленно сжались на краю книги.

— В ту ночь перед аварией принесли три документа. Каждый был составлен как уведомление о передаче права толкования семейного соглашения. Не права распоряжаться. Только толкования.

— Кто принёс? — спросил Климов.

— Северин, Лесин и Ильин.

Никита вздрогнул.

Ася не отвела взгляд.

— Вы видели их всех?

— Нет. Документы принесли курьеры.

— Значит, вы не можете утверждать, что они были подписаны добровольно.

— Я утверждала это двадцать лет, — ответила Варвара. — И ошибалась.

В комнате стало тихо. Даже ветер за окном будто отступил.

— Почему? — спросил Никита.

— Потому что у меня был реестр с подписями свидетелей.

Она раскрыла книгу на середине и провела пальцем по строкам. Слева стояли даты, справа — номера дел. Между ними виднелись три короткие отметки, сделанные разными чернилами.

— Вот регистрация. Двадцать третье марта. Три семейных соглашения. Все приняты без замечаний.

— Где подписи свидетелей? — спросила Ася.

— На приложении.

— Покажите.

Варвара достала из сумки плоский конверт. Он был старый, но уголки оставались чистыми, словно его хранили отдельно от остальных бумаг. На клапане виднелась та же круглая печать с трещиной.

Климов сделал шаг вперёд.

— Открывайте медленно.

Варвара сняла печать ножом и вынула три листа. Первый был подписан Северином, второй — Лесиной, третий — Ильиным. Под каждой подписью стояла одна и та же формулировка:

«Согласен на передачу права толкования лицу, назначенному хранителем городских обязательств, в случае угрозы жизни и безопасности».

Ася перечитала строку дважды.

— Здесь не указано, кто назначен хранителем.

— В исходных документах указывалось.

— В этих — нет.

— Потому что это копии, — сказала Варвара.

— Нет, — возразила Ася. — Копия обязана сохранять существенные условия. Иначе это не копия, а новый документ.

Варвара закрыла глаза.

Никита подошёл к столу.

— Мой отец подписал это?

— Да.

— Сам?

— Подпись его.

— Я спросил не о почерке.

Варвара долго молчала.

— Я не видела, как он подписывал.

Никита отступил, будто ответ оказался физическим ударом. Ася заметила, как он сжал пальцы, но не коснулась его руки. Он сам должен был решить, выдержит ли эту правду рядом с ней.

— Значит, вы не знали, было ли согласие, — сказала Ася.

— Я знала только, что документы принесли в установленном порядке.

— Это не согласие.

— Тогда мне казалось, что если человек не возражает письменно, он принимает условия.

— Молчание — не подпись.

— Теперь я это знаю.

Климов забрал листы в прозрачную папку.

— Кто назначал хранителя?

Варвара посмотрела на Ильина. Тот стоял у двери, бледный, с опущенным взглядом.

— Ваш отец, — сказала она.

Ильин медленно поднял голову.

— Не мой отец. Совет.

— В протоколе стоит его подпись.

— Он председательствовал.

— Но подписал один.

Ася повернулась к Ильину.

— Вы знали?

— Я знал о совете. Не знал, что решение внесли в семейные приложения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.